Психологія Русской націи.

Проф. П. И. Ковалевскаго.

Понятіе о націи .. Признаки націи... Націоналисты... Національное чувство и національное самосознаніе.. Виды націонализма: бюрократическій націонализмъ, державный и подъяремный націонализмъ, прогрессивно-демократическій націонализмъ (стр. 260 Рус. нац.)...—Націонализмъ—и кооператизмъ,—космополитизмъ.

Что такое нація?

Нація—большая группа людей, объединенныхъ между собою единствомъ происхожденія,—единствомъ историческихъ судебъ и борьбы за существованіе,—единствомъ физическихъ и душевныхъ качествъ,—единствомъ культуры,—единствомъ вѣры,—единствомъ языка и территоріи.

Національный—присущій, свойственной націи. *Національность*—совокупность свойствъ и качествъ, характеризующихъ данную группу и отличающихъ ее отъ другихъ націй.

„Человѣческій родъ дѣлится на части, объединенныя каждая стаднымъ чувствомъ, общностью языка и общими физическими признаками, какъ видимыми признаками ихъ единокровія. За этими является: общая литература и идеалы, одинаковые законы и привязанность къ опредѣленной территоріи... Рассовый инстинктъ является расширеніемъ семейныхъ узъ... Рассовый инстинктъ связываетъ между собою отдѣльныхъ единицъ одной и той-же націи, но разобщаетъ націи одну отъ другой“[1]).

Остановимся на отдѣльныхъ признакахъ и проявленіяхъ націи и посмотримъ насколько каждый изъ этихъ признаковъ обязателенъ для опредѣленія націи.

1. *Единство происхожденія.* Единство происхожденія показываетъ, что всѣ лица данной націи происходятъ отъ одного корня, отъ одного рода, быть можетъ отъ одной семьи. Всякая нація состоитъ изъ нѣсколькихъ народностей, проявляющихъ единыя существенныя свойства и отличающихся незначительными оттѣнками—языка, выговора, фигуры, нравовъ, обычаевъ и проч. Такъ, напр., между Русскими, по говору,

---

1. Спурель. Патріотизмъ, 25

можно легко отличить петроградца, москвича, ярославца, уфимца и т. д. Еще большая разница между великороссами, малороссами и бѣлоруссами. Тѣмъ не менѣе, это одна нація, одинъ народъ, происходящій отъ одного славянскаго корня, имѣющій въ основѣ своего рода однихъ предковъ скиѳовъ и сарматовъ.

Вся эта великая Русская нація состоитъ изъ множества отдѣльныхъ единокровныхъ племенъ, которые существовали сотни лѣтъ и развивались подъ вліяніе особыхъ мѣстныхъ условій, почему и представляютъ нѣкоторую ничтожную разницу между собою.

Если разсмотрѣть отдѣльно эти племена, эти народности, то окажется, что и въ этихъ племенахъ проявится нѣкоторая разность. Отдѣльные роды, живущіе на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, выработали въ теченіе сотенъ лѣтъ и тысячелѣтій свои особенности, нисколько, однако, не измѣняя своихъ коренныхъ національныхъ духовныхъ и физическихъ свойствъ. Такъ, напр., въ Малороссіи мы можемъ находить различные отличительные оттѣнки въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ, полтавцевъ, черниговцевъ, кіевлянъ, екатеринославцевъ—запорожцевъ и пр. Тѣмъ не менѣе всѣ эти мелкія поселенія явно показываютъ, что всѣ они малороссы, всѣ они Русскіе, всѣ они славяне. Въ ничтожной разницѣ ихъ свойствъ виновны внѣшнія условія жизни, не смогшія, однако, вытравить изъ нихъ никакихъ родовыхъ унаслѣдованныхъ свойствъ, характеризующихъ данную націю.

Идя дальше, мы останавливаемся передъ единицею націи—семьей. Естественно, что основою націи является пара—мужъ и жена, мужъ, жена и дѣти.

Мужъ и жена дали дѣтей. Эти дѣти получили отъ своихъ родителей наслѣдственно свойства физическія и качества душевныя и неизбѣжно, въ силу мірового закона, явились во всемъ имъ подобными. Въ силу того же естественнаго закона свои духовныя и физическія качества они передали своимъ дѣтямъ, третьему поколѣнію,—которое было подобно какъ своимъ родителямъ, такъ и своимъ прародителямъ.

Такимъ образомъ, нисходящія поколѣнія въ силу естественнаго закона наслѣдственности, сохраняютъ подобіе и всѣ свойства своихъ предковъ и даютъ направленіе свойствамъ и качествамъ развивающейся отъ нихъ націи. Изъ этого слѣдуетъ, что основныя національныя свойства даннаго народа сохраняются наслѣдственно и являются органическими. Почему они и представляются столь стойкими и незыблемыми.

Такому сохраненію наслѣдственныхъ родовыхъ свойствъ много способствуетъ и другое обстоятельство.

Обычно первые-роды жили отдѣльно, въ болѣе или менѣе замкнутыхъ пространствахъ. Такое положеніе родовъ вело къ тому, что семьи совмѣстно живущихъ родовъ брачились между собою, т. е. давали потомство со свойствами и качествами, присущими основному роду, чѣмъ и закрѣпляли свои родовыя національныя свойства.

Наслѣдственность въ данномъ случаѣ является консервативнымъ началомъ національныхъ свойствъ, проводя ихъ изъ семьи въ родъ, изъ рода въ племя, изъ племени въ народность и націю. Она является дѣятелемъ, объединяющимъ отдѣльныхъ лицъ націи и создающимъ основной признакъ націи—единство происхожденія членовъ ея.

Откуда взялись наши предки—скиѳы, сарматы и славяне—трудно сказать. Возможно, и даже весьма, что наша прародина—подножія Кавказа, гдѣ еще въ миѳическія времена скиѳскій князь Прометей похитилъ у боговъ огонь и освѣтилъ свѣтомъ разума и познанія жизнь своихъ собратьевъ. Эти первые шаги нашихъ предковъ показываютъ, что великій Русскій народъ еще въ колыбели своего бытія имѣлъ представителей, своимъ умомъ приближающихся къ богамъ и давшимъ начало такой великой стихіи, какъ огонь, безъ котораго невозможна никакая культура. Такое величіе націи въ ея колыбели находитъ себѣ подтвержденіе и въ дальнѣйшей жизни націи, породившей такого великаго гѣнія, какъ Петръ Великій, равнаго которому не видалъ міръ. А будущее еще покрыто мракомъ неизвѣстности, но его нужно считать тысячелѣтіями...

Каждый, родившійся на свѣтъ, уже въ своемъ рожденіи несетъ на себѣ физическія и душевныя свойства своихъ предковъ, ибо онъ ихъ получилъ по наслѣдству. Онъ несетъ въ себѣ всѣ историческія судьбы ихъ прошлаго, ибо они выработали и физическія и душевныя свойства его предковъ и его самого. Онъ становится съ первыхъ дней своей жизни рабомъ преданій, сказаній, повѣрій и веленій своего племени и своей націи, ибо онъ въ нихъ растетъ и воспитывается. Онъ становится рабомъ языка своей націи, ибо первые звуки его рѣчи будутъ рѣчью его націи. Поэтому естественно, онъ будетъ ихъ защитникомъ, ихъ пособникомъ, ихъ охранителемъ,—ибо онъ явится защитникомъ, пособникомъ и охранителемъ только самого себя. Эти качества и свойства являются его органическою принадлежностью. Каждый такой отдѣльный человѣкъ органически связанъ и съ территоріею своей націи, ибо она во многомъ вліяла въ выработкѣ тѣхъ особенностей, которыя характеризуютъ націю. Эти всѣ органическія принадлежности лица являются основою и его правъ на всѣ эти лежащія въ немъ качества и привиллегіи.

Такимъ образомъ, единство происхожденія является для націи важнымъ ея проявленіемъ,—важнымъ, но не неизбѣжнымъ. Существуютъ нынѣ націи, которыя имѣютъ не одинъ основной корень и тѣмъ не менѣе они составляютъ націю sui generis. Таковы итальянцы. Они между своими предками имѣютъ римлянъ, этрусковъ и проч. и это не мѣшаетъ имъ нынѣ составлять единую націю. Хотя, вѣроятно, этою неодинаковостью коренныхъ національныхъ свойствъ итальянцевъ объясняется та рѣзкая разница, которую представляютъ итальянцы во внѣшности, характерѣ, языкѣ и нравахъ въ различныхъ провинціяхъ Италіи.

Во всякомъ случаѣ единство происхожденія націи не является ея патогномоническимъ исключительно важнымъ проявленіемъ, обязательно необходимымъ для націи.

2. *Единство историческихъ судебъ и борьбы за существованіе.* Каковъ бы ни былъ самъ по себѣ предметъ, но его бытіе во многомъ зависитъ отъ среды, въ которой онъ живетъ и существуетъ. Это одинаково важно какъ для неодушевленныхъ, такъ и для одушевленныхъ предметовъ и человѣка.

Каковъ бы ни былъ самъ по себѣ человѣкъ, но на созиданіе его, какъ единицы, какъ недѣлимаго, помимо унаслѣдованныхъ имъ свойствъ, вліяетъ также среда: климатъ, почва, природа и люди. Въ понятіе среды должно входить и питаніе, и воспитаніе, и образованіе, и свойства окружающей природы и всѣ тѣ дѣятели, которые составляютъ окружающій міръ. Иной организмъ и характеръ создается у жителя полей, чѣмъ у жителя горъ, лѣсовъ, взморья и проч. Точно также иной человѣкъ создается въ климатѣ жаркомъ, умѣренномъ и холодномъ. Несомнѣнно, вліяніе природы въ созиданіи человѣка играетъ весьма важную роль,—роль почти столь же важную, какъ наслѣдственность.

Что говорится объ отдѣльномъ человѣкѣ, то должно сказать и о семьѣ, родѣ, племени, народности и націи.

Если велико вліяніе въ созиданіи націи природы, климата, почвы,—то еще больше это вліяніе въ воздѣйствіи окружающихъ людей, питанія, воспитанія, образованія и международныхъ отношеній. Разумѣется, для воздѣйствія на отдѣльнаго человѣка требуются десятки лѣтъ, для воздѣйствія же семьи, и рода—сотни лѣтъ,—а для воздѣйствія на племя, народности и націи—тысячелѣтіе.

Тѣмъ не менѣе воздѣйствіе внѣшней обстановки и среды на человѣка, семью, родъ, племя, народность и націю слишкомъ велико. Почему и замѣчено, что единство историческихъ судебъ и единство борьбы за существованіе составляетъ одинъ изъ важныхъ дѣятелей въ образованіи особенностей націи. Это воздѣйствіе не можетъ уничтожить наслѣдственность, но можетъ значительно ее видоизмѣнить. Зато совокупность единствъ наслѣдственности и историческихъ судебъ и борьбы за существованіе создаетъ великую крѣпость націи.

3) *Единство физическихъ и душевныхъ качествъ.* Совмѣстное воздѣйствіе наслѣдственности и окружающей природы, въ широкомъ смыслѣ слова, создаютъ въ массѣ людей одинаковую физическую внѣшность и одинаковыя духовныя качества. Это то, что, помнѣнію Bauer'a и др., составляетъ національный характеръ. Естественно, этотъ національный характеръ или эти національныя особенности могутъ видоизмѣняться во времени и пространствѣ. Особенности Русскихъ—IX и XIX вѣковъ, безспорно могутъ разниться между собою,—но несомнѣнно и то, что основныя особенности націи остаются неизмѣнными. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ второстепенныя отличія великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ. Великороссы больше всего оста

вались подъ игомъ монгольскимъ. Къ ихъ крови достаточно добавилось крови ассимилированныхъ ими финскихъ народовъ. Поэтому, естественно типъ великоросса представляетъ собою нѣкоторую своеобразность [1]). Малороссія подверглась игу польскому. Малороссы ассимилировали большое количество печенѣговъ, половцевъ, торковъ, берендѣевъ и проч. и это, въ свою очередь, не могло не отразиться на ихъ физическомъ и духовномъ образѣ. Наконецъ, бѣлоруссы находились и отчасти нынѣ находятся подъ игомъ польскимъ. Они поглотили въ себя значительную долю литовской и латинской крови,—что опять-таки не могло не сдѣлать ихъ нѣсколько своеобразными.

Тѣмъ не менѣе эти три народности не отдѣльныя націи, а только разновидности одной великой Русской націи со всѣми основными свойствами, присущими этой націи.

Еще болѣе удивительно, что полутысячелѣтнее стремленіе онѣмечить и вытравить Русскія основныя черты у Рускихъ Галичины, Буковины и Угорской Руси донынѣ остаются тщетными и эти несчастные страдальцы доселѣ остаются коренными Русскими.

Это единство духовныхъ и физическихъ силъ—великое начало въ дѣлѣ національнаго бытія и составляетъ важнѣйшій признакъ націи.

4. *Единство культуры.* Народъ, живущій около двухъ тысячъ лѣтъ, имѣетъ свои нравы, обычаи, пѣсни, сказанія, литературу, науку, искусство, промыслы, производство, торговлю, хозяйство, политику, бытъ и проч. Все это составляетъ культуру. Единство наслѣдственнаго происхожденія, единство историческихъ судебъ и борьбы за существованіе, единство физическихъ и духовныхъ силъ—все это даетъ одинаковые результаты условій жизни, одинаковую культуру. Поэтому весьма естественно, что нація, имѣющая свою историческую судьбу и борьбу за существованіе—свой физическій и духовный обликъ—будетъ имѣть и свою собственную культуру. Такъ оно и на дѣлѣ.

5. *Единство вѣры.* Въ огромномъ большинствѣ случаѣ исповѣданіе вѣры является предметомъ выбора самой націи, соотвѣтственно нравственнымъ свойствамъ и духовному влеченію націи,—и только въ рѣдкихъ случаяхъ оно является путемъ насильственнаго навязыванія. Исповѣданіе Православія Русскими произошло не потому, что такъ того хотѣлъ князь Владиміръ,—а князь Владиміръ принялъ и ввелъ Православіе на Руси потому, что оно соотвѣтствовало нравственному духу Русскихъ славянъ. Основныя нравственныя черты Русскихъ славянъ: смиреніе, любовь, милосердіе, состраданіе и самопожертвованіе. Тѣ же начала христіанства проповѣдывала и Православная религія. Поэтому Русскіе приняли Православіе именно потому, что въ ихъ натурѣ лежали основныя начала Православнаго христіанства. Поэтому же Православіе было принято всѣми Русскими безъ

---

[1]) Проф П. И. Ковалевскій. Исторія Россіи съ національной точки зрѣнія. Изд. 2.

борьбы и насилія. Только подъ тяготѣніемъ страшнаго матеріальнаго и нравственнаго гнета и ига поляковъ и ихъ вѣрныхъ слугъ, іезуитовъ, часть бѣлоруссовъ и ничтожная часть малороссовъ должны были перейти въ католицизмъ. Поэтому для Русскихъ Православная вѣра является твердыней и важнымъ признакомъ ихъ самостоятельнаго національнаго бытія, ибо ничтожная часть Русскихъ католиковъ является подневольными католиками.

Тѣмъ не менѣе вѣра не можетъ служить вообще важнымъ національнымъ признакомъ, ибо мы видѣли, что многія націи исповѣдуютъ различныя религіи, какъ нѣмцы, армяне и проч. и это имъ нисколько не мѣшаетъ принадлежать къ своимъ націямъ.

6. *Единство языка.* Языкъ вырабатывается не только въ доисторическій періодъ бытія націи, но еще въ періодъ формированія ея. Поэтому онъ является весьма раннимъ проявленіемъ данной націи и несомнѣнно охватываетъ всѣхъ членовъ ея. Могутъ быть, однако, рѣдкіе случаи, когда часть націи отрывается отъ своего цѣлаго, живетъ въ своеобразныхъ условіяхъ, почему жизнь ея идетъ инымъ путемъ, чѣмъ ея цѣлаго и языкъ получаетъ иное проявленіе,—тѣмъ не менѣе корни его какъ для цѣлаго, такъ и для части остаются общими. Вотъ почему языкъ является важнымъ проявленіемъ націи и служитъ серьезнымъ отличительнымъ признакомъ ея. Нація можетъ исчезнуть. Отъ нея остаются только ничтожные отпрыски и тѣмъ не менѣе своеобразный языкъ этихъ мелкихъ остатковъ свидѣтельствуетъ о самостоятельности бывшей націи. Такихъ примѣровъ мы имѣемъ очень много на Кавказѣ. Такъ,—удиновъ насчитывается всего только сотни,— и тѣмъ не менѣе, по мнѣнію очень компетентныхъ ученыхъ, этотъ остатокъ по языку является представителемъ исчезнувшей націи. Еще болѣе такихъ примѣровъ мы имѣемъ въ Дагестанѣ. Тамъ нерѣдко отдѣльные аулы являются представителями исчезнувшихъ націй и самостоятельность этихъ націй свидѣтельствуется полною самостоятельностью языка. Таковы, напр., дидойцы и др. дагестанцы.

Несмотря на такую важность и серьезное значеніе языка для націи, есть, однако, націи, которыя потеряли свой языкъ и живутъ языками тѣхъ народовъ, среди которыхъ они селятся. Таковы евреи. Древне-еврейскій языкъ непонятенъ современнымъ евреямъ и они пользуются особеннымъ жаргономъ, или языками тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ. И тѣмъ не менѣе они составляютъ націю и націю очень крѣпкую и стойкую.

7. *Единство территоріи.* Каждая нація должна имѣть свою родную территорію, на которой она возникла, развивалась, получила свои особенности, сжилась съ нею и породнилась. Отъ этой основной націи могутъ отрываться части, переселяться въ другія мѣста,—но ихъ родина всегда для нихъ остается родиной. Оттуда они получаютъ поддержку, одобреніе и усиленіе. Милліоны Русскихъ переселились въ Америку и тѣмъ не менѣе они остаются Русскими, считаютъ Россію

своей родиной, живутъ ея вѣрою и языкомъ, радуются ея радостями, гордятся ея успѣхами и скорбятъ о ея несчастьяхъ и неудачахъ.

Тѣмъ не менѣе есть націи, которыя существуютъ какъ таковыя и не имѣютъ своей родной территоріи. Таковы армяне, таковы цыгане, таковы евреи.

Однако, территорія имѣетъ важное значеніе для націи. Тѣ же армяне всѣми силами стараются создать себѣ территорію. Десятки тысячъ ихъ переселилось изъ Турціи въ Закавказье, чтобы тамъ создать въ извѣстныхъ мѣстахъ сплошное поселеніе и свою родную территорію. Не стѣсняются они и въ средствахъ для выживанія съ занятыхъ мѣстъ Русскихъ переселенцевъ, туземцевъ – грузинъ и туземцевъ—татаръ. И все это дѣлается съ единственною цѣлью—создать себѣ территорію. Это видятъ всѣ. Это знаютъ всѣ. Не видитъ и не знаетъ этого только одна кавказская администрація, страдающая особеннымъ дальтонизмомъ глазъ и совѣсти...

Цыгане не стремятся къ созданію своей территоріи, такъ какъ они слишкомъ не культурны. Цыгане—номады. Имъ территорія и государственность не нужны.

Евреи—проклятый богомъ народъ. Іегова ихъ проклялъ и разогналъ по всему лицу земли. Евреи лишились своего бога. Евреи лишились своего языка. Евреи лишились своей родины, территоріи. Лишившись территоріи, какъ таковой, они нашли себѣ объединителя въ своей религіи. Ихъ святой законъ является имъ и религіей, и родиной, и объединителемъ...

Тѣмъ не менѣе, это ихъ не удовлетворяетъ. Недостатокъ родины, недостатокъ своей территоріи для нихъ великое несчастье. Различными способами они пытались создать себѣ родину, то путемъ засилья, то путемъ переселенія. Но ни тотъ ни другой пріемъ имъ не удается.

Путемъ засилья они хотѣли создать себѣ родину то въ Бѣлоруссіи, то въ Галичинѣ, то въ Угорщинѣ, то въ Румыніи... Но всюду ихъ замыслы предугадываются и разстраиваются

Не менѣе неудачною являются и попытки евреевъ переселиться въ новыя земли: Уганду, Канаду, Палестину... Не привыкли и отвыкли евреи жить трудовою жизнью. Ихъ жизнь—паразитическая жизнь. Въ новыхъ же земляхъ имъ не на комъ паразитировать. Проклятіе Іеговы сказалось въ ихъ разсѣяніи...

И тѣмъ не менѣе—евреи, безъ родины, безъ территоріи, нація.

Говоря о націяхъ, не имѣющихъ своей территоріи, мы должны оговориться, что хотя они и націи, но тѣмъ не менѣе они являются *неполноправными націями*. Живя въ чужомъ государствѣ и на чужой территоріи, эти націи являются въ этомъ государствѣ на положеніи *иностранцевъ* и въ случаѣ противонаціональнаго поведенія по отношенію къ державной націи, они могутъ и должны быть выселены изъ даннаго государства. Ихъ присутствіе въ государствѣ терпимо. Но если они вздумаютъ производить недопустимые поступки, то державная нація безъ церемоніи можетъ попросить ихъ оставить территорію. Въ этомъ

отношеніи особенно важно имѣть въ виду такое положеніе евреевъ, которые не имѣютъ права даже частнаго личнаго обладанія землею и подлежатъ ограниченной чертѣ осѣдлости.

Между тѣмъ эта именно неполноправная нація позволяетъ себѣ выходки, опасныя для ея положенія.

Недавно въ еврейскомъ „Разсвѣтѣ“ было напечатано:

„Ихъ заставляютъ заучивать наизусть стишки въ родѣ „Птичка Божія не знаетъ“, описывать зиму и лѣто, разсказывать про полевыя работы и пр., между тѣмъ какъ ихъ надо было бы обучать спеціально языку купли, продажи, ремесла, разговору съ заказчикомъ, простѣйшей торговой корреспонденціи. Въ Одессѣ, въ бойкомъ торговомъ ряду на Александровскомъ проспектѣ, гдѣ и христіанскій средній классъ покупаетъ мануфактуру и готовыя платья, почти всѣ приказчики евреи, почти всѣ они говорятъ по русски прескверно, и отъ этого ничуть не страдаютъ интересы ни ихъ, ни хозяевъ.

Дѣти въ еврейской школѣ должны изучать и Русскій языкъ. Но *дѣти въ еврейской школѣ отнюдь не должны изучать ариѳметику, географію и пр. на Русскомъ языкѣ. Языкомъ образованія, языкомъ культуры долженъ стать еврейскій. Русскій языкъ долженъ изучаться постольку, поскольку онъ практически нуженъ въ житейскомъ обиходѣ.*

При перемѣнѣ системы останется тотъ выигрышъ, что хоть этотъ *„прикладной“* языкъ дѣти будутъ знать какъ слѣдуетъ. Они не сумѣютъ декламировать: „Птичка Божія не знаетъ“. Но они сумѣютъ написать: „Г. Иванову. Милостивый государь! Причитается съ васъ за пару брюкъ 8 рублей, каковые довѣряю получить подателю. Съ почтеніемъ портной такой-то“. Скромно полагаю, что это важнѣе“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта выходка евреевъ— дерзость Если бы эта дерзость была проявлена полякомъ, финляндцемъ и проч., то это была бы дерзость націи, объ отношеніи къ которой нужно было бы подумать, ибо сдвинуть націю съ ея территоріи не такъ легко. Но въ данномъ случаѣ была дерзкая выходка со стороны неполноправной націи, живущей въ странѣ на положеніи иностранца, а потому въ будущемъ ей нужно подумать, что подобныя дерзости не всегда могутъ быть безнаказанными. Если до поры до времени къ подобнымъ неприличнымъ выходкамъ державная нація относится съ спокойнымъ презрѣніемъ, то въ будущемъ она можетъ попросить этихъ иностранцевъ оставить страну, на пребываніе въ которой они не имѣютъ права.

Такимъ образомъ, опредѣленіе націи производится совокупностію проявленій, а не отдѣльными какими нибудь признаками.

„Нація“—слово иностранное. Русскій языкъ не имѣетъ слова, которое точно передало бы значеніе слова „нація“. Слово „народъ“ или шире слова нація, обозначая народонаселеніе государства,—или уже слова нація, обозначая низшій слой народонаселенія государства, простой его классъ. Мы надѣемся, другіе работники на нивѣ Русскаго

національнаго самосознанія.

націонализма изобрѣтутъ слово, могущее замѣнить настоящій барбаризмъ.

Націонализмъ—это проявленіе уваженія, любви и преданности, до самопожертвованія, въ настоящемъ,—почтенія и преклоненія передъ прошлымъ и желаніе благоденствія, славы, величія, мощи и успѣха въ будущемъ—той націи, тому народу, къ которому данный человѣкъ принадлежитъ.

Націонализмъ складывается изъ двухъ проявленій—національнаго чувства и національнаго самосознанія.

Національное чувство есть прирожденная принадлежность физической и душевной организаціи. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Національное чувство прирождено намъ такъ же, какъ и всѣ другія чувствованія: любви къ родителямъ, любви къ дѣтямъ, голода, жажды и т. д.

Въ основѣ національнаго чувства лежитъ проявленіе высшаго мірового закона—закона тяготѣнія или закона притяженія. Самымъ простѣйшимъ проявленіемъ его служитъ притяженіе и отталкиваніе частичекъ мірового эфира. Такимъ образомъ, оно современно мірозданію. Проявленіемъ этого чувства является соотношеніе небесныхъ тѣлъ другъ къ другу, стремленіе животныхъ къ подобнымъ себѣ и т. д.

Въ человѣческомъ обществѣ прообразомъ его является любовь къ родителямъ, семьѣ, деревнѣ, округу и, наконецъ, ко всему своему народу. Любовь къ родинѣ имѣетъ свое проявленіе въ душевныхъ заболѣваніяхъ, въ формѣ болѣзненной тоски по родинѣ (носталгія).

Такимъ образомъ, національное чувство—явленіе животное, стадное, органическое и прирожденное.

Но кромѣ унаслѣдованности въ образованіи этого чувства играетъ не малую роль и окружающая среда, воспитаніе.

Каждый новорожденный воспринимаетъ впечатлѣнія отъ близкихъ окружающихъ предметовъ. Такъ создаются его первыя познанія. Такъ создается первый познавательный матеріалъ.

Ребенокъ знакомится съ матерью, отцомъ, домашними, домомъ и всѣмъ окружающимъ. Но этого мало. Предметы его чувствованій, предметы его воспріятія становятся ему близкими, становятся ему дорогими, его любимыми.. Эта любовь къ отцу, матери, семьѣ, дому есть первое проявленіе націонализма. Націонализмъ маленькаго ребенка ограничивается домомъ и домашней обстановкой.

Съ теченіемъ времени ребенокъ растетъ, знакомится съ деревней, городами, людьми, природою и проч.,—и все это ему становится милымъ, дорогимъ, роднымъ. Еще проходитъ время, юноша и дѣвушка изучаютъ исторію страны. Они переживаютъ всѣ ея несчастья, страданія и потери и соболѣзнуютъ всему тяжелому; за то успѣхъ, величіе, слава и побѣды несказанно радуютъ ихъ. Герои націи его родные. Все прошлое націи ему настолько дорого и мило, что дороже настоящаго, ибо оно создало настоящее и служитъ основою для будущаго. Юноша гордится своей націей и готовъ отдать ей свою жизнь, какъ его предки отдали ее за будущее.

Такъ создается національнизмъ путемъ воспитанія.

Но такое созиданіе совершается не у одного человѣка, а у многихъ лицъ данной націи, почему всѣ эти лица дороги другъ другу, являются близкими и родными. Они всѣ сродни—національно сродни. Они всѣ объединены одною любовію ко всему своему, ко всему родному, какъ прошлому, такъ и будущему и настоящему.

Такимъ образомъ, воспитательный національнизмъ не есть явленіе личное, индивидуальное, – а общее коллективное. Это дѣлаетъ національнизмъ сильнѣе и могущественнѣе.

Національное самосознаніе есть актъ мышленія, въ силу котораго данная личность признаетъ себя частью цѣлаго, идетъ подъ его защиту и несетъ себя само на защиту своего родного цѣлаго, своей націи. Проф. Казанскій *) говоритъ, что національное самосознаніе есть видъ общественнаго самосознанія народа. Оно есть сознаніе солидарности нашихъ личныхъ потребностей и задачъ съ извѣстною народностью, т. е. съ извѣстнымъ культурно-историческимъ общественнымъ тѣломъ. Это есть сознаніе единства основныхъ началъ жизни и необходимости взаимнаго содѣйствія для преслѣдованія общихъ цѣлей, которое проникаетъ весь народъ и отдѣльныхъ его членовъ.

Національнизмъ, въ большей или меньшей степени, присущъ каждому человѣку и чѣмъ больше онъ развитъ у человѣка, тѣмъ большая цѣна этому человѣку. Вотъ что говоритъ по этому поводу завзятый западникъ, В. Бѣлинскій **): „Человѣческое слово, великое дѣло,—но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, Русскій. Безъ національности человѣчество было бы міровымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія".

Національнизмъ, несомнѣнно развивается непроизвольно и безсознательно. Тѣмъ не менѣе у различныхъ лицъ и въ различныя времена онъ развитъ бываетъ не одинаково. Бываютъ случаи, когда національнизмъ вспыхиваетъ очень ярко во всѣхъ слояхъ общества, и бываютъ жизненные моменты, когда онъ подавленъ. Во времена монгольскаго ига національнизмъ въ Россіи былъ подавленъ,—напротивъ, послѣ смутнаго времени онъ вспыхнулъ и оживился. Во времена крѣпостного права рабамъ было не до родины и не до націи, – напротивъ, послѣ 17 октября національнизмъ вспыхнулъ очень ярко во всей Россіи.

Наивысшій, чистѣйшій и наиболѣе яркій національнизмъ развивается въ тотъ моментъ, когда всѣ члены націи пользуются одинаковою свободою и одинаковымъ правомъ. Такое положеніе порождаетъ и одинаковую любовь, и одинаковую преданность, и одинаковую гордость и одинаковое самопожертвованіе родинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было требовать одинаковой любви и самопожертвованія, во время крѣпостного права, отъ крестьянъ и помѣщиковъ. Дворяне-помѣщики жертвовали собою за свое господство и

*) Проф. П. Е. Казанскій. Народность и государство, 1912.
**) В. Бѣлинскій. Собр сочиненій, т II, стр. 122,—т. III, 766.

за свое владычество, а крестьяне... крестьяне за владычество помѣщиковъ и свое рабство. Поэтому національнизмъ крестьянъ-рабовъ былъ очень слабъ.

Вотъ почему во всѣхъ государствахъ вспышки революцій всегда шли рука объ руку со вспышками національнизма, ибо въ то время граждане получали одинаковую свободу и одинаковыя права, почему всѣ они проявляли и одинаковую любовь къ націи и родинѣ.

У насъ послѣ 17 октября 1905 г. произошла рѣзкая вспышка національнизма. Высочайшій манифестъ даровалъ желанныя свободы и равныя права.

Но, что дано Верховною властью, то постепенно шагъ за шагомъ стало урѣзываться современной бюрократіей. Новое вино было влито въ старые мѣхи. Свободы остались на бумагѣ,—права—въ воображеніи. Національнизмъ стушевывается. Надвигаются угрозы, заставляющія подумать о многомъ...

Кромѣ того въ послѣднее время и у насъ въ Россіи выдвигается новое вредное начало—капиталъ. Капиталъ состоитъ въ рукахъ евреевъ, банковъ и кулаковъ. Для банковыхъ дѣятелей, спекулянтовъ, кулаковъ, составителей синдикатовъ нѣтъ ни націи, ни родины, ни государства. Для нихъ—только капиталъ. Для капитала нѣтъ ни чести, ни гордости, ни блага націи. Капиталъ интернаціоналенъ и космополитиченъ. Еще недавно пролетаріи проповѣдывали космополитизмъ. Въ настоящее время пролетарій разумный сталъ строго націоналенъ, напр. въ Германіи. Русскій пролетарій—рабъ евреевъ и другихъ проходимцевъ, а потому и космополитиченъ,—потому онъ и космополитиченъ, что является рабомъ евревъ и другихъ космополитовъ-капиталистовъ. Извѣстна одна нефтяная фирма, которая очень щедро субсидируетъ пролетарное движеніе Русскихъ рабочихъ. Интересно: потому ли она скопляетъ милліоны, чтобы поддерживать пролетарное движеніе,—или потому мутитъ пролетаріевъ, чтобы скоплять себѣ милліоны...

Прежніе помѣщики, имѣя рабовъ, своею кровію защищали отечество. Нынѣшніе капиталисты не желаютъ жертвовать своею кровію. Они не прочь на боевомъ полѣ видѣть дворянъ и крестьянъ, но не для защиты націи, а для защиты своихъ капиталовъ. Не въ интересахъ евреевъ и капиталистовъ поддерживать національнизмъ. Напротивъ, они всѣми способами стараются затушить, ослабить и унизить его. Господами являются капиталисты,—а вся остальная масса превращается въ рабовъ. Возможно ли ожидать оживленія національнизма при нарождающихся синдикатахъ и другихъ орудіяхъ порабощенія...

Все вышесказанное рисуетъ собою тотъ видъ національнизма, который составляетъ собою *естественный національнизмъ* или *народный*. Но кромѣ этого естественнаго національнизма существуютъ и другіе виды и формы національнизма, каковы: бюрократическій національнизмъ, державный и подъяремный національнизмы, фальшивый національнизмъ, проявляемый наружно партіями, по своему существу антинаціональными, сепаратистическій національнизмъ и др. Мы остановимся здѣсь на разсмотрѣніи только двухъ первыхъ формъ.

Бюрократическій или правительственный или чиновничій національнзмъ. Каждое государство, пока его народы находятся на низкой ступени культуры, ведется главою государства и его правительствомъ. Въ этомъ случаѣ правительство является проводникомъ, вершителемъ и исполнителемъ сознательнаго національнзма. Оно является опекуномъ несовершеннолѣтнихъ, головою взрослыхъ гражданъ и на немъ лежитъ долгъ вести дѣла государства въ интересахъ той національ, коя создала государство и держитъ его,—національ державной. Къ сожалѣнію эти правительства, эти чиновники очень часто забываютъ о національ и ея интересахъ, а всю свою дѣятельность направляютъ на свои личные интересы и интересы своихъ присныхъ. Ихъ дѣятельность, ихъ государственная политика сплошь и рядомъ является не только не національною, но прямо таки антинаціональною. Къ несчастію, бываютъ случаи, когда и правители увлекаются и заблуждаются настолько, что дѣйствуютъ не въ интересахъ, а во вредъ своей національ и своего государства. Россія знаетъ у себя такихъ правителей. Въ этомъ отношеніи остаются незабвенными слова великаго Русскаго гражданина и славнаго историка Карамзина, который осмѣлился сказать и написать Императору Александру I: „не клянутся ли государи блюсти цѣлость своего государства“,—когда тотъ рѣшилъ было не только возстановить Польшу, но и придать ей часть Малороссіи, Бѣлоруссію и Литву... И до сего дня мы оплакиваемъ ложные и вредные шаги этого государя по отношенію къ Финляндіи... Я не стану распространяться о звѣрскомъ правленіи Бирона..

Но даже въ царствованіе Великаго Царя-національста, Александра III, было много чиновниковъ, футлярный національнзмъ которыхъ жилъ на ихъ пользу, а не на пользу государства.

Только 17 октября 1904 г. дало намъ право быть самимъ господами себѣ, блюсти свои національные интересы и провѣрять дѣянія правительства съ точки зрѣнія національной политики. Вотъ прошло уже десять лѣтъ и мы видимъ, что многіе изъ правителей слишкомъ слабо выполняютъ волю Монарха. Они слишкомъ медленно спѣшатъ съ осуществленіемъ тѣхъ свободъ національ, которыя дарованы Императоромъ. Трудно сказать, что̀ ими руководитъ въ этомъ случаѣ Изъ желанія не осудить, я позволю себѣ сказать, что причина такого правительственнаго направленія скорѣе всего кроется въ томъ, что новое вино налито въ старые мѣхи. Людямъ стараго воспитанія трудно отказаться отъ своей власти и тяжкаго для гражданъ произвола. Напрасно сни думаютъ, что народный контроль представителей народа—Государственная Дума, пустое слово. Нѣтъ, это выраженіе воли народа.

Точно также и постепенно усиливающійся произволъ слишкомъ является тяжелымъ для народа и грозитъ возникновеніемъ тѣхъ черныхъ дней, кои всѣмъ намъ слишкомъ памятны.

Воля Монарха въ дарованіи свободы зиждилась не только на великой любви его къ народу, но и на глубокомъ знаніи и пониманіи этого народа. Истиннымъ истолкователемъ этой воли являлся постав-

ленный Монархомъ великій мученикъ за родину и славный національный геній, П. А. Столыпинъ. Это былъ не только исполнитель народнаго націонализма, но его созидатель и направитель... А нынѣ по многимъ отдѣламъ государственныя дѣла опять во власти бюрократизма, нынѣ не только не полезнаго, но вреднаго и опаснаго.

Націонализмъ державный и подъяремный. Очень немногія государства составлены изъ одной націи. Въ огромномъ же большинствѣ государство составляется изъ нѣсколькихъ націй, при чемъ одна изъ этихъ націй является господствующею, державною, а другія ей соподчиненными, подъяремными. Господствующею, державною націей является та, которая основала, создала и держитъ государство. Она осталась побѣдительницей—она и господствуетъ. Ее побѣдили бы и она подчинилась бы. Такъ это было и съ нами во времена монгольскаго (въ Великороссіи) и польско-еврейскаго ига (въ Малороссіи и Бѣлоруссіи). Въ Россіи *державною господствующею націей является Русская нація.* Всѣ остальныя націи составляющія Русское государство являются ей соподчиненными *). Такую державность Русской націи даютъ: права крови, пролитой ея сынами,—права историческихъ судебъ,—права имущественныя, права самосохраненія. права культурнаго превосходства и, наконецъ, права побѣдителя. Все это ставитъ Русскихъ въ Россіи въ такія условія, что они въ ней хозяева и господа, а всѣ остальныя націи, сохраняя неприкосновенными всѣ свои основныя національныя особенности, должны, однако, согласовать свою жизнь такъ, чтобы не нарушать интересовъ, а даже способствовать національнымъ интересамъ державной націи. Всякія нарушенія, противодѣйствія и вредъ по отношенію къ державной націи нетерпимы и недопустимы, ибо такое противодѣйствіе идетъ во вредъ самому государству.

Всякій инородецъ, сохраняющій свою вѣру, свой родной языкъ (въ домѣ), свои традиціи, но всю свою душу отдающій на пользу державной націи, ведущей государство, является истиннымъ сыномъ Россіи и пользуется всѣми правами Русскаго гражданина. Онъ является равнымъ любому члену державной націи и преемлется ею, какъ таковой. Развѣ Цицановъ, Чавчавадзе, Мадатовъ и многіе другіе были чѣмъ нибудь обижены, сравнительно съ другими дѣтьми Россіи? Нѣтъ, они были, есть и будутъ любимы и почитаемы наравнѣ съ нашими кровными, какъ: Скобелевъ, Макаровъ, Кондратенко и др.

Въ Россіи соподчиненныхъ націй болѣе ста пятидесяти. Одни изъ нихъ стоятъ высоко въ культурномъ отношеніи, другія на самой низкой, почти первобытной ступени бытія. Отношеніе державной націи къ этимъ соподчиненнымъ націямъ не одинаково. Одни націи, культура которыхъ высока, какъ поляки, грузины, армяне, финляндцы, нѣкоторые магометане и проч. имѣютъ полное право на сохраненіе своихъ національныхъ особенностей въ такомъ видѣ, чтобы онѣ не

*) Объ этомъ подробно: Проф П. И. Ковалевскій. Русскій націонализмъ, изд. 3.

задѣвали интересы державной націи, чему судьей является державная нація; другія напротивъ не имѣютъ такого права. Сохраняя имъ ихъ свободу исповѣданія ихъ вѣры, свой домашній языкъ и свои преданія, державная нація должна ихъ пріобщить къ себѣ и ассимилировать ихъ, даровавъ имъ взамѣнъ всѣ права Русскаго. Таковы націи: лопари, кореллы, самоѣды, сваны, карачаевцы, дидойцы и многіе другіе.

Происхожденіе славяно-русской націи. Откуда произошло народонаселеніе Европы и, въ частности, славяне? Съ давнихъ поръ колыбелью народовъ считается Азія. Оттуда уже размножившееся человѣчество двинулось въ Европу, частью черезъ Волгу, частію по западному побережью Каспія, частію черезъ Дарьяльское ущелье. Это мнѣніе долго царило и имѣло за себя серьезныя, болѣе нравственныя, основанія.

Дальнѣйшія научныя изысканія, особенно раскопки, показали, что и въ Европѣ мы имѣемъ явныя доказательства пребыванія первобытнаго человѣка не только четвертичнаго періода, но даже третичнаго. Это доказывается не только найденными при раскопкахъ скелетами, указывающими на наличность переходного человѣка (антропопитека и даже питеко-антропа), но также и обстановкой и предметами каменнаго и глинянаго вѣка. И этотъ первобытный человѣкъ оставилъ свои слѣды по всему лицу европейской земли. Такимъ образомъ, возможно, что кавказское племя человѣка получило свое происхожденіе не изъ Азіи, а въ самой Европѣ и является человѣкомъ sui generis.

Въ послѣднее время появляется еще новое ученіе, которое производитъ кавказское племя не только отъ Европы, но прямо таки отъ Кавказа. Колыбелью европейца считаютъ Кавказъ, именно въ области Эльборуса *). Существованіе множества пещеръ въ Осетіи, Кабардѣ, Чечнѣ, а также дольменовъ въ Черкессіи, Абхазіи и проч. подтверждаетъ присутствіе тамъ въ отдаленныя времена первобытнаго человѣка

Довольно богатыя раскопки въ Осетіи, Кабардѣ, Дагестанѣ и проч. также несомнѣнно доказываютъ не только первобытную культуру, но и именно самостоятельную и своеобразную культуру, не позаимствованную ни у ассиріянъ, ни у вавилонянъ, ни у другихъ древнихъ народовъ. Таково мнѣніе нашихъ ученыхъ Уварова, Филимонова, Самоквасова, Антоновича и др.,—таково же мнѣніе и иностранныхъ ученыхъ, какъ Lombard'a, Reuke, Müller'a и др. Эта кавказская первобытная культура родственна не азіатской культурѣ, а европейской, — такъ какъ такая же культура найдена и у этрусковъ.

Далѣе, миѳы и преданія опять-таки много говорятъ за пребываніе первобытнаго человѣка у Эльборуса. Преданіе объ открытіи впервые огня приписывается первобытному человѣку Кавказа и при томъ нашему предку — скифу. Собственность боговъ, огонь, былъ похищенъ Прометеемъ, за что Зевесъ, на растерзаніе орловъ, приковалъ его

*) Проф П. И. Ковалевскій. Кавказъ. Народы Кавказа 1914 г.

цѣпью къ горѣ Кавказа—Эльборусу. И этого мудраго и отважнаго „скифскаго царя“ оплакивали дѣвы Колхиды, Меотійскихъ болотъ и жителей скалистыхъ горъ Кавказа...

Такимъ образомъ, несомнѣнно у Эльборуса, на Кавказѣ была колыбель человѣчества и отсюда уже двинулись потоки человѣческихъ племенъ на всю Европу. Отсюда получила начало кавказская расса и не изъ Азіи вышло арійское племя.

Съ Кавказа проистекли двѣ главныхъ вѣтки кавказскаго племени: кельто-славяне и германцы. Къ кельто славянамъ относятся всѣ славяне, за исключеніемъ части болгаръ,—итальянцы, французы, бельгійцы и пр.,—къ германской рассѣ—нѣмцы. Существуетъ, однако, мнѣніе, что германцы получили происхожденіе на сѣверѣ.

Разница между этими двумя племенами слишкомъ велика, какъ въ физическомъ, такъ особенно въ нравственномъ отношеніяхъ. Кельто-славяне короткоголовы, германцы—длинноголовы. Кельто-славяне смуглы,—германцы имѣютъ бѣлую кожу и свѣтлые волосы и т. д.

Львиную долю поверхности Европы заняли славяне, значительно меньшую—кельты. Германцы же были окружены тѣми и другими.

У самыхъ Кавказскихъ горъ жили два главныхъ народа: аланы и киммерійцы. Ихъ земли простирались отъ Каспія по Русскому морю и за Дунай. Киммерійцы—это нынѣшняя Кабарда. Они стояли въ близкомъ сосѣдствѣ со скиѳами и сарматами и были близки имъ по національнымъ свойствамъ. Нѣкоторые авторы столь близко ставятъ эти два народа, что считаютъ ихъ за одинъ народъ, въ различныя времена переименовывавшійся то въ киммерійцевъ, то въ скиѳовъ и сарматовъ.

Рядомъ съ этимъ киммерійскимъ племенемъ стоятъ и аланы. Аланы, по нѣкоторымъ предки славянъ, въ вѣтви Роксалановъ или Россалановъ. Но въ тоже время аланы предки и осетинъ, оссовъ. Часть алановъ, подъ давленіемъ сильнѣйшихъ киммерійцевъ или касоговъ, должна была уступить свои земли этому сильнѣйшему непріятелю и укрыться въ горныя ущелья, нынѣшнюю Осетію. Тамъ они и донынѣ сохраняютъ свою первобытную культуру. Такимъ образомъ существуетъ тѣсная племенная связь между киммерійцами и скиѳами и сарматами съ одной стороны,—скиѳами, сарматами и славянами съ другой стороны и аланами и славянами—съ третьей.

Многимъ вліяніямъ подверглись эти народы въ теченіе тысячелѣтій. Много перемѣнъ произошло и въ физическихъ чертахъ и въ характерѣ этихъ народовъ,—но корень и происхожденіе ихъ одно. Они близки другъ другу и родственны между собою.

Славянское племя, получивъ свое начало на Кавказѣ, съ незапамятныхъ временъ заняло равнину, на которой нынѣ помѣщается Россія. И извѣстна была эта земля еще задолго до Р. Х. Существуютъ письменныя данныя, которыя говорятъ, что скиѳы жили еще въ ассировавилонскій періодъ. Вотъ одна изъ надписей этого времени: съ сѣвера пришли (въ мѣстность нынѣшняго Вана) послы. Они были съ большими бородами, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, въ странной обуви

изъ древесной коры и не умѣли говорить ни на какомъ языкѣ. На вопросъ: кто они? тѣ отвѣчали—*люди*. Солнце они называли *со*,— снѣгъ—*зимъ*, тепло—*тепи*, пастухъ—*пашка*, носъ—*неза*, одинъ—*экъ*, два—*да*, три—*тре*, четыре—*чети*, пять—*пичь*, я *я*, не—*не*, имѣю - *има* и т д.

Несомнѣнно, это рѣчь славянская. Но славянъ тогда не было. Были скиѳы. Значитъ скиѳы—предки славянъ и были на землѣ современниками ассиро-вавилонянъ.

Размножившіеся предки славянъ, аланы, двинулись въ великую Русскую равнину еще за сто лѣтъ до Р. Х. Они поселились по побережью Азовскаго и Русскаго морей, а также между Днѣпромъ и Дунаемъ. Разумѣется, въ славянской долинѣ, при ограниченномъ ихъ количествѣ, они разселились слишкомъ разбросанными. Здѣсь они, подъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ, были хорошо извѣстны Додору Сицилійскому, Страбону и др. Большая часть этого племени посели лась въ горахъ Карпатовъ, подъ прикрытіемъ лѣсовъ.

Разумѣется, равнинные славяне, разбросанные набольшомъ пространствѣ, не могли представлять крѣпкой силы и, подвергаясь новымъ натискамъ варваровъ, много страдали отъ нихъ и иногда невольно смѣшивались. Иное положеніе было Карпатскихъ славянъ. Они находились подъ защитою трудно доступныхъ горъ. Они находились подъ защитою трудно проходимыхъ лѣсовъ. Поэтому не удивительно, что они жили безопаснѣй и значительно размножались. Съ теченіемъ времени ихъ стало такъ много, что пришлось имъ искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Цѣлые славянскіе потоки полились отсюда и на Балканскій полуостровъ, и на Эльбу, Везеръ и Нѣманъ, и на Дунай, Бугъ и Днѣстръ и на помощь Днѣпровскимъ славянамъ.

К. Я. Гротъ *) говоритъ: „Славяне, первобытная родина которыхъ въ Европѣ несомнѣнно охватывала значительную часть Карпатской области, послѣ передвиженія въ первые вѣка христіанской эры германскихъ племенъ на западъ въ Италію, остались господствующимъ въ этихъ земляхъ осѣдлымъ народомъ, неудержимой волной разлившимся по всему Балканскому полуострову, по берегамъ Адріатики, на западъ—въ края Альпійскіе, а на сѣверѣ составлявшимъ одно сплошное цѣлое съ сѣверо-восточными соплеменными вѣтвями“... Карпатскіе славяне дали вѣтви, образовавъ „на сѣверѣ и сѣверо западѣ—земли польскія съ остатками родственныхъ имъ славянъ прибалтійскихъ и полабскихъ, на западѣ—земли чешско-славянскія съ ихъ передовыми и сторожевыми чешскими аванпостами, на юго-западѣ и югѣ, отъ восточныхъ Альпъ и береговъ Адріатики до Чорнаго, „Русскаго“ моря, широко раскинувшіяся къ югу земли словенцевъ, хорватовъ, сербовъ и болгаръ“.

Что касается Русскихъ славянъ, то еще за долго до образованія Кіевскаго княжества, въ Русской равнинѣ намѣчается три главныхъ пункта: Тмутараканская Русь, Кіевская Русь и Новгородская Русь **).

*) К. Я. Гротъ. Австро-Венгрія и Карпато-Дунайскія земли. 1914.
**) Проф. П. И. Ковалевскій. Исторія Малороссіи. 1914.

Въ этой мѣстности пріемственно жили скиѳы, сарматы и славяне. Несомнѣнна тѣсная родовая связь этихъ народовъ, точно также племенно связанныхъ съ аланами.

Что собою представляли Русскіе славяне?

„Они были рослы, статны, красивы, имѣли свѣтлорусые волосы, сѣрые остро-проницательные глаза. Взглядъ у нихъ былъ скорѣе воинственный, чѣмъ свирѣпый [1]). Наиболѣе знатные отличались бритыми подбородками и длинными усами. Остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатыя подстриженныя кругомъ головы. Сверхъ кольчуги на нихъ накинуты плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Ихъ вооруженіемъ были стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ обоюдоострымъ лезвіемъ, а щиты съуживающіеся книзу, были такъ длинны, что прикрывали почти все тѣло“.

Они проявляли воинственность, храбрость и неустрашимость,—энергію, подвижность, выносливость, терпѣливость, презрѣніе къ лишеніямъ, способность приспособленія, веселый нравъ и презрѣніе къ удобствамъ жизни и лишеніямъ. Это былъ народъ, по мнѣнію современниковъ, въ своемъ природномъ варварствѣ во многомъ стоявшій выше просвѣщенныхъ грековъ. Правосудіе у него напечатлѣно было въ умахъ, а не въ замыслахъ,—воровство у него было рѣдко и считалось важнѣе всѣхъ преступленій,—золото и серебро скиѳы столько же презирали, сколько прочіе смертные желали онаго.

Въ пищѣ и одеждѣ были умѣрены, не знали дорогихъ тканей, а покрывались только шкурами. Ихъ воздержанность сохраняла правоту ихъ нравовъ, потому что они ничего чужого не домогались. Они въ побѣдахъ ничего не искали кромѣ славы. Они не были ни злобны, ни лукавы.

Извѣстный историкъ Иловайскій говоритъ: „Изъ всѣхъ способностей, которыми природа щедро одѣлила славянское племя, наиболѣе драгоцѣнными являются предпріимчивость, мужество и способность созидательная—изобрѣтательность, трудолюбіе и терпѣніе. Славянорусское племя уступаетъ нѣмецкому въ сосредоточенности, устойчивости и силѣ характера,—но даровитость славянъ обусловливалась излишнею впечатлительностью и излишнею подвижностью“.

Особенно же рѣзко выдѣляются у Русскихъ славянъ доброта, чистосердечіе, искренность, прямота, сочувствіе и благожелательность. На первый разъ является противорѣчіемъ: воинственность и кротость. Однако это фактъ. Наши предки, какъ и потомки были воинственны, храбры и львами мужества съ врагами и примѣромъ доброты и сострадательности къ побѣжденнымъ, даже къ нѣмцамъ.

Въ трудѣ Русскіе славяне проявляли упрямство и иногда медлительность. Открытая безпредѣльная равнина выработала въ нихъ удаль,

---

[1]) Проф. П. И. Ковалевскій. Исторія Россіи съ національной точки зрѣнія. 1912.

—а лѣсная жизнь—осторожность, хотя нерѣдко вела и къ беззаботности.

Мать являлась воспитательницею дѣтей и она ихъ воспитывала въ духѣ мужества, храбрости и воинственности. Нерѣдко непріятель между павшими славнѣйшими воинами находилъ женщинъ, защищавшихъ честь своей родины съ мечомъ въ рукахъ наравнѣ съ мужчинами. Матери учили своихъ дѣтей—не забывать нанесенныхъ ихъ роднымъ и ближнимъ обидъ.

Славяне всѣ гостепріимны. Цѣломудренность также присуща всѣмъ славянамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Будучи свободолюбивыми, славяне не любили подчиняться другимъ,—откуда вытекала та несчастная національная рознь и ссора, которая такъ много причиняла бѣдъ и Русскимъ и всѣмъ славянамъ. Только общая великая бѣда заставляла ихъ объединяться и тогда это была страшная сила.

Русскіе славяне были очень религіозны и, до принятія христіанства, обожали стихіи и дивы природы. У нихъ было много большихъ и малыхъ божествъ.

Таковы были основныя черты нашихъ предковъ. Тысячелѣтняя жизнь, полная борьбы, гнета, ига и потрясеній не могла не отозваться и на характерѣ Русскаго народа.

Кое-что доброе сгладилось и придавлено,—кое что недоброе прибавилось. А такъ какъ наша родина слишкомъ велика и характеръ бѣдствій былъ очень различенъ, то не диво, что въ этой Великой Націи мы усматриваемъ нѣкоторыя второстепенныя черты характера, нѣсколько отличающія одну часть племени отъ другой. Но эта разница слишкомъ ничтожна и не мѣшаетъ основному національному единенію. Разница столь ничтожна, что положить границу между одною и другою частью нѣтъ возможности. И Великороссія, и Малороссія, и Бѣлороссія, и Червонороссія, Галиція, Буковина, и Угорская Русь едино суть—Великая Россія.

3. Дѣятели, образующіе націю. Единицею человѣческихъ обществъ, населяющихъ земной шаръ, является *нація*. По мнѣнію Фуллье [1]), только черезъ посредство нашей національности мы принадлежимъ къ человѣчеству и народъ является естественною единицею, болѣе или менѣе централизованною. Гумпловичъ говоритъ, что раса—это единица, создавшаяся втеченіе исторіи въ процессѣ общественнаго развитія и путемъ этого развитія.

Если нація есть единица, если нація есть лицо, то она должна имѣть свое собственное мѣсто и свою собственную душу. Она должна представлять собою образованное вещество и ему соотвѣтствующую душу или сочетаніе проявленій, соотвѣтствующихъ количеству, качеству и своеобразному сочетанію началъ, образующихъ единицу.

---

[1]) Фуллье Психологія французскаго народа.

Допуская бытіе вещественной и духовной своеобразной единицы, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что эта національная единица образовалась подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій земного бытія. Какія же условія больше всего и сильнѣе всего воздѣйствуютъ на устроеніе этой единицы?

Такими важнѣйшими условіями и даже причинами являются главнымъ образомъ двѣ группы явленій: наслѣдственность и среда. Каждый изъ этихъ дѣятелей имѣетъ важное значеніе,—но сильнѣе дѣйствуетъ все таки наслѣдственность.

Что такое наслѣдственность? „По своей сущности наслѣдственность есть тождество, повтореніе одного существа во многихъ“ [1]). Посредствомъ акта произрожденія, изъ котораго вытекаетъ наслѣдственность, существо производитъ себѣ подобныхъ. Наслѣдственность является въ нашей жизни той охранительной и сохранительной силой, которая стремится во что бы то ни стало закрѣпить основныя черты организаціи предка во всемъ его слѣдующемъ поколѣніи. На первый взглядъ можетъ показаться, что подъ вліяніемъ наслѣдственности, человѣчество не можетъ не только совершенствоваться, но и видоизмѣняться, ибо каждый сынъ будетъ являться фотографическимъ снимкомъ своего отца. Но въ образованіи будущаго потомства принимаетъ участіе два начала: отецъ и мать. Дитя этой пары сочетаетъ сходныя черты родителей и вычитаетъ качества противоположныя и различныя.

Такое сочетаніе различныхъ вещественныхъ и духовныхъ началъ ведетъ къ созиданію чего-то совершенно своеобразнаго и отличнаго отъ свойствъ родителей, сходнаго и съ отцомъ и съ матерью, но не тождественнаго. Этимъ дается основаніе образованію *личности* особой индивидуальности человѣка.

Позволю себѣ добавить, что природа способствуетъ одолѣнію здоровыхъ качествъ надъ нездоровыми, болѣзненными,—почему весьма естественно, что человѣчество шествуетъ къ совершенствованію и возрожденію, а не къ упадку и вырожденію.

Такимъ образомъ, наслѣдственность является началомъ не только сохранительнымъ, но и совершенствующимъ и способствующимъ развитію и движенію впередъ основныхъ свойствъ, присущихъ данной націи.

Не слѣдуетъ, однако, понимать наслѣдственность въ формѣ непосредственной передачи физическихъ и душевныхъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ. Національная наслѣдственность разумѣетъ и воспріятіе потомками духовныхъ даровъ, духовныхъ богатствъ, духовныхъ твореній послѣднимъ поколѣніемъ отъ всѣхъ предшествующихъ поколѣній. Только эта общность даннаго поколѣнія съ чувствами, убѣжденіями, вѣрованіями и интересами, созданными наслѣдственными накопленіями, придастъ душевному складу націи сходство и большую прочность и устрояетъ крѣпкую силу націи.

---

[1]) Проф. П. И. Ковалевскій. Душевныя болѣзни, изд. 5.

Не безынтересно и то, что это духовное наслѣдство въ полной силѣ возможно къ унаслѣдованію только лицами той же націи и недоступно лицамъ другой націи. „Различные элементы цивилизаціи какого нибудь народа, будучи только внѣшними знаками его психологическаго склада, выраженіемъ извѣстныхъ способовъ чувствованія и мышленія, свойственныхъ данному народу, не могутъ передаваться безъ измѣненій народамъ совершенно иного психическаго склада. Передаваться могутъ только волненія, поверхностныя и неимѣющія значенія формы“ [1]).

Какъ физическая, такъ и душевная наслѣдственность настолько сильны, что въ націяхъ ихъ свойства и качества не могутъ совершенно уничтожаться вліяніемъ среды,—и только одна наслѣдственность, включающая новыя національныя начала, можетъ вытѣснить проявленія древней наслѣдственности и создать новую націю. „Новая среда, моральная или физическая, дѣйствуетъ глубоко только на новыя расы... Одна только наслѣдственность достаточно сильна, чтобы бороться съ наслѣдственностью“ (Лебонь).

Значеніе національной наслѣдственности осложняется еще и тѣмъ, что наши сознательные поступки вытекаютъ изъ существа безсознательнаго, создаваемаго въ особенности вліяніемъ наслѣдственности. Сюда относятся всѣ безчисленные оттѣнки, составляющіе душу націи. Кромѣ открыто признаваемыхъ причинъ, руководящихъ нашими дѣйствіями, существуютъ еще тайныя причины, въ которыхъ мы не признаемся,— но за этими тайными причинами есть еще болѣе тайныя, потому что они неизвѣстны намъ самимъ. Большинство нашихъ ежедневныхъ дѣйствій вызывается скрытыми двигателями, ускользающими отъ нашего наблюденія.

Лебонь совершенно правъ, говоря: „Умершія поколѣнія передаютъ намъ не только свою физическую организацію; они внушаютъ намъ также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живыхъ. Мы несемъ тяжесть ихъ ошибокъ, мы получаемъ награду за ихъ добродѣтели“.

б. *Среда.* Средою называется все окружающее человѣка со дня его рожденія и до смерти. Со всѣмъ этимъ человѣкъ соприкосается и все это на него воздѣйствуетъ. Поэтому весьма естественно, что среда не можетъ не вліять какъ на образованіе отдѣльнаго человѣка, такъ и на цѣлую націю. Несомнѣно, что человѣкъ, уже рождаясь на свѣтъ, въ силу наслѣдственности, несетъ въ себѣ зачатки и основы своего будущаго *я*. Но несомнѣнно, что и окружающая обстановка не можетъ не оказать вліянія на сформированіе личности и особи. Насколько сильно вліяніе среды на человѣка и націю, доказывается уже тѣмъ, что Элизе Реклю самую „наслѣдственность усвоеннаго характера считаетъ за повторное вліяніе среды“ [2]).

---

[1]) Лебонь. Психологія народовъ и массъ.
[2]) Элизе Реклю. Человѣкъ и Земля, 1908.

Несомнѣнно, среда—понятіе слишкомъ сложное. Сюда входятъ воздѣйствіе окружающей природы, воздѣйствіе человѣка—воспитаніе и воздѣйствіе преданій и всей культурной исторической жизни данной націи.

Дѣятели природы будутъ климатъ, поверхность земли, влажность, богатство даровъ природы и проч.

Климатъ оказываетъ вліяніе на человѣческое бытіе, хотя это вліяніе не слишкомъ напряженно. Несомнѣнно, слишкомъ холодный и слишкомъ жаркій климатъ не благопріятствуютъ ни богатству природы, ни большой плотности народонаселенія. Такъ, на сѣверѣ лапландцы, эскимосы, чукчи и проч. слишкомъ разбросаны, представляютъ чрезвычайную рѣдкость народонаселенія. Живутъ они бѣдно и самая жизнь слишкомъ дика, тупа и ограничена. Тоже можно сказать и о жителяхъ экватора и тропиковъ.

„Разгоряченной палящими лучами солнца головой легко овладѣваетъ гнѣвъ и бѣшенство. Въ этихъ странахъ мстятъ звѣрскимъ остервѣненіемъ и во время великихъ народныхъ движеній, въ войнахъ за независимость или завоевательныхъ, фанатики туземцы проявляютъ неустрашимость, доходящую до крайнихъ предѣловъ возможности, даже до невозможнаго“ (Элизе Реклю).

Самое счастливое положеніе жителей умѣренныхъ, теплыхъ и прохладныхъ странъ. Тутъ и богатѣйшая природа, и густое народонаселеніе, и наивысшее умственное развитіе человѣка и наибогатѣйшіе плоды его цивилизаціи.

Несомнѣнно, что разница во вліяніи климата теплаго, умѣреннаго и прохладнаго также сказывается. Теплый климатъ способствуетъ лѣни, склонности къ бездѣятельвости (итальянцы, абхазцы, мингрельцы и проч.) и фантазированію,—прохлада, напротивъ „увеличиваетъ крѣпость и силу тѣла, содѣйствуя болѣе сильному питанію и болѣе равномѣрному распредѣленію вещества во всей совокупности органовъ,—отсюда бо́льшая способность къ усиленному труду“ (Фуллье).

Данныя условія климата вліяютъ и на человѣка и на націю. Это вліяніе не сильное, но безспорно даетъ свои послѣдствія.

Не безъ вліянія оказывается также и *поверхность земли*, на которой живетъ данная нація. Жители равнинъ имѣютъ дѣло только съ составомъ почвы и всѣ свои силы употребляютъ на использованіе ея. Иное положеніе горца. Помимо пользованія составомъ почвы и труда на обработку даровъ природы, горецъ долженъ бороться и съ самою высотою поверхности. Отсюда затрата у него энергіи большая и путемъ повторности или наслѣдственности эта энергія и горца вырабатываетъ типъ болѣе подвижный, болѣе дѣятельный, болѣе предпріимчивый. Не мало къ тому содѣйствуетъ также и бѣдность окружающей природы.

Часто горныя мѣста представляются въ формѣ небольшихъ долинъ, замкнутыхъ величайшими горами, препятствующими общенію человѣка съ сосѣдними долинками. Почему жители этихъ замкнутыхъ

поселковъ проявляютъ слишкомъ низкій уровень развитія, крайнюю отсталость и жизнь первобытнаго человѣка. „Предоставленное своимъ собственнымъ скуднымъ средствамъ, уединенное населеніе этихъ замкнутыхъ долинъ не можетъ, конечно, выработать такую сложную цивилизацію, какъ это дѣлается низменными равнинами. Оно должно довольствоваться первобытными ремеслами, воздѣлываніемъ своей небольшой площади пахатной земли, разведеніемъ своего скота и охотой за горными животными“ (Элизе Реклю). Наилучшія доказательства тому мы видимъ въ нѣкоторыхъ нашихъ замкнутыхъ котловинахъ Кавказа, гдѣ мы можемъ найти культуру первобытнаго человѣка въ полной ея сохранности.

Условія жизни горца создаютъ въ немъ энергію, а бѣдность природы—отхожій промыселъ въ видѣ набѣговъ на сосѣдей, живущихъ въ болѣе счастливой обстановкѣ. Такъ это долго и было на нашемъ Кавказѣ, при чемъ Элизе Реклю отмѣчаетъ, что „горцы являются часто грабителями, но не завоевателями“.

Жителей обширныхъ *равнинъ* можно раздѣлить на двѣ категоріи: кочевниковъ и землепашцевъ. Кочевники проявляютъ страсть къ грабежу, хитрость, склонность къ опустошенію и разрушенію. Свобода передвиженія и склонность къ хищничеству развиваютъ въ кочевникѣ силу и ловкость.

Равнины, особенно плодородныя, создаютъ для землепашцевъ и осѣдлыхъ жителей благосостояніе, народное богатство, жизнь тихую и мирную,—равнины мало плодородныя заставляютъ жителей примѣнять много труда, заботы и предусмотрительности. Жители этихъ послѣднихъ мѣстъ пріучаются къ усиленному напряженію, самодѣятельности, какъ побѣдители природы, и непріязнь къ жителямъ равнинъ плодородныхъ. Эти народы настойчивы, упорны въ трудѣ, тупы, мало способны и завистливы. На этомъ, возможно, зиждется озлобленіе и высокомѣріе нѣмцевъ по отношенію къ Русскимъ и французамъ.

Жители *лѣсистыхъ мѣстъ* неизбѣжно развиваютъ въ себѣ усиленную энергію, борьбы, отвагу, воинственность жестокость и дикость. Таковы были наши древляне, таковы и нынѣшніе нѣмцы.

„Вообще можно сказать, что люди, живущіе на вольномъ воздухѣ, обладаютъ болѣе твердымъ духомъ, яснымъ умомъ, смѣлой поступью, радушнѣе и благороднѣе, чѣмъ люди, прячущіеся въ лѣсахъ“ (Элизе Реклю). „Лѣсныя страны когда-то создавали охотничьи племена, обыкновенно варварскія и дѣспотическія“ (Фуллье).

Страны съ *сухимъ климатомъ* способствуютъ развитію жестокости,—тогда какъ жители болотистыхъ мѣстъ являются подавленными, угнетенными, малоспособными, апатичными, мало подвижными. Таковы наши бѣлоруссы и литовцы.

Жители *прирѣчныхъ странъ* предпріимчивы, проявляютъ склонность къ торговымъ предпріятіямъ и развитію умственныхъ операцій. Таковы были кіевляне, новгородцы и проч. Жители *приморскихъ мѣстъ* находятся у морскихъ богатствъ, которые даются однако при

напряженномъ трудѣ и сопряжены съ большимъ рискомъ и опасностью. Поэтому они отличаются предпріимчивостью, большою рѣшимостью, выдержкой, сильнымъ характеромъ, силою воли и пренебреженіемъ къ жизненнымъ опасностямъ. „Морякъ отличается серьезнымъ отношеніемъ къ жизни и его спокойные глаза всегда сохраняютъ отраженіе смерти, къ которой онъ былъ столько разъ близокъ“ (Элизе Реклю).

Итакъ физическіе дѣятели, въ видѣ внѣшней природы, несомнѣнно вліяютъ на національный характеръ и національную душу людей,— но при этомъ ближайшее воздѣйствіе оказывается только на второстепенныя черты характера. Если же физическіе дѣятели вліяютъ и на основныя черты національнаго характера, то только въ теченіе вѣкового и многовѣкового воздѣйствія и съ этой точки зрѣнія Элизе Реклю правъ, что и сама наслѣдственность есть послѣдствіе многовѣковаго воздѣйствія среды.

Питаніе и воспитаніе. Если душа есть отправленіе (функція) мозга, если душа есть выраженіе энергіи, то она должна находиться въ тѣсной зависимости отъ химическаго состава и соотношенія молекулъ, составляющихъ нервныя единицы и самую нервную систему. Съ этой точки зрѣнія *пища и питаніе* не безразличны для химическаго состава нервныхъ единицъ, а слѣдовательно и для ихъ отправленія—душевной жизни. Подобное соотношеніе не только было подмѣчено и доказано, но уже и использовано на благо человѣчеству въ медицинѣ, особенно же въ нервной патологіи. Уже съ ранняго дѣтства мы однимъ дѣткамъ совѣтуемъ давать поменьше мяса, а побольше молока - другимъ—наоборотъ[1]) и т. д. Если питаніе организма вліяетъ на душевныя и нервныя отправленія у дѣтокъ нервно-больныхъ, то питаніе должно играть роль и въ душевной жизни всѣхъ дѣтокъ, а также и въ жизни взрослыхъ людей.

Это положеніе вполнѣ подтверждается наблюденіями надъ жизнью и питаніемъ многихъ народовъ, какъ въ первобытномъ ихъ состояніи, такъ и въ культурномъ и законченномъ, въ смыслѣ просвѣщенія, состояніи. Уже Пифагоръ высказывалъ то мнѣніе, что излишекъ мясной пищи придаетъ человѣку и расамъ нѣчто суровое и дикое, тогда какъ растительная пища ослабляетъ энергію и жизнедѣятельность. Древніе варвары и краснокожіе, истреблявшіе много мяса, были воинственны, свирѣпы и дики,—тогда какъ народы питавшіеся растительною пищею, какъ египтяне и финикіяне, вели образъ жизни тихій, мирный и трудолюбивый. Лѣсные жители были свирѣпы и дики, какъ подъ вліяніемъ своего образа жизни въ лѣсу, такъ, несомнѣнно, и подъ вліяніемъ питанія преимущественно плодами своихъ трудовъ. Этимъ, возможно, объясняется варварство, жестокости, свирѣпость и скотоподобность современныхъ нѣмцевъ, въ виду употребленія въ пищу ими чрезмѣрнаго количества мяса, а еще больше спиртныхъ напитковъ и необу-

[1]) Проф. П. И. Ковалевскій. Гигіена нервныхъ людей и нейропатовъ.

зданнаго пьянства. Развѣ у Русскихъ не увеличилось хулиганство съ усиленнымъ пьянствомъ худой памяти финансоваго царствованія графа Витте и другихъ,—и не уменьшилось подъ вліяніемъ запрещенія продажи питей во время нашей славной войны?..

Эти факты показываютъ на несомнѣнное вліяніе питанія на душу націи, хотя, разумѣется, это вліяніе не особенно важно и непродолжительно.

Здѣсь умѣстнымъ будетъ сказать, что *питье спиртныхъ напитковъ* всегда и при всѣхъ условіяхъ вредно, какъ для отдѣльныхъ людей, такъ и для націй, ибо оно несомнѣнно вліяетъ гибельно на народы, вызывая въ нихъ паденіе и вырожденіе въ умственномъ отношеніи и паденіе нравственности, въ видѣ жестокости, озвѣренія, хулиганства, разбоя и разврата. Лучшимъ примѣромъ тому служатъ Русскіе во времена царства монополіи и во время войны, когда они прекратили пьянство,—а, главное, нѣмцы, доказавшіе, что у тупыхъ націй, хотя бы подражательно стоявшихъ и на высотѣ просвѣщенія, пьянство поддерживаетъ и развиваетъ звѣрство, грабительство, разбой, чуть не людоѣдство. Невоздержанность къ спиртнымъ напиткамъ присуща особенно сѣвернымъ народамъ. На сѣверѣ Россіи пили гораздо больше чѣмъ въ Малороссіи. „Трезвость южныхъ народовъ еще въ древнія времена рѣзко отличалась отъ невоздержанности сѣверянъ... при чемъ у кельтовъ пьянство носило менѣе мрачный характеръ, чѣмъ у германцевъ“ (Фуллье).

Воспитаніе—искусственное созиданіе въ нашихъ дѣтяхъ такихъ физическихъ и душевныхъ идеаловъ, какіе мы считаемъ наивысшими и наилучшими. При этомъ мы забываемъ два важныя условія: 1) каждая личность и каждое поколѣніе идетъ дальше насъ впередъ и 2) каждая личность и каждое поколѣніе своеобразны и отличны отъ насъ. Поэтому всякая наша попытка и всякое наше стремленіе создать и внѣдрить въ будущія поколѣнія наши идеалы есть уже покушеніе на ихъ личность и попытка къ задержкѣ и подавленію ихъ самобытности. Мы стремимся въ нашихъ дѣтяхъ задержать избытокъ задатковъ низменнаго, усилить начала прекрасныя и поднять слабо развитыя начала добраго и разумнаго. Но развѣ то, что мы сегодня считаемъ разумнымъ, прекраснымъ и добрымъ и завтра будетъ такимъ? Совсѣмъ нѣтъ. Нравственныя начала и нравственныя понятія не есть математическая непреложная истина. Онѣ измѣнчивы и очень измѣнчивы. Поэтому всякое насиліе, всякая искусственная навязанность въ дѣлѣ воспитанія, особенно систематическая и назначенная казенно на долгое время, нерѣдко влекутъ за собою подавленіе личныхъ качествъ, задержку развитія и совершенствованія особи и поколѣнія, равенство и приравненіе, а слѣдовательно рабство, нравственный гнетъ и задержку развитія и совершенствованія націи. Наилучшимъ тому доказательствомъ служитъ воспитательная классическая система Толстого, Делянова и Аничкова. Много вреда принесли Русскимъ гнетъ и иго удѣльно вѣчевого княженія. Много принесло вреда Русскимъ монгольское иго. Много

задержало развитіе Русскаго народа бюрократическое иго XIX в. Но едва ли не большее еще рабство создало въ Россіи иго воспитательное по системѣ Делянова и Аничкова. Это рабство падало на души лучшей части Русскаго народа, его просвѣщенной части и при томъ на души юныя, только представляющія нѣжные ростки душевныхъ проявленій.

Воспитаніе дѣлится на двѣ части—собственно воспитаніе и образованіе; но они такъ тѣсно связаны мекду собою, что ихъ трудно отдѣлить одно отъ другого.

Основное положеніе при примѣненіи воспитанія къ дѣтямъ должно состоять въ томъ, чтобы оно прежде всего соотвѣтствовало національной душѣ и національному характеру дѣтей, а затѣмъ, чтобы оно соотвѣтствовало требованію и запросамъ даннаго поколѣнія. Наконецъ, это воспитаніе должно быть личнымъ, индивидуальнымъ, т. е. соотвѣтствующимъ особенностямъ и задаткамъ данной особи. Воспитаніе трафареточное, прописное, министерское, дидактическое, а вмѣстѣ нынѣ и деспотическое приноситъ націи вредъ и должно быть всячески исправляемо и пополняемо.

Съ этой точки зрѣнія образованіе родительскихъ кружковъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ весьма важное и серьезное значеніе. Нѣтъ слова, педагоги—люди вполнѣ имѣющіе право и на уваженіе, и на довѣріе, и на руководство. Но они спеціалисты и на все смотрятъ съ слишкомъ узкой своей точки зрѣнія. Они могутъ вносить и вносятъ погрѣшности, именно, пребываніемъ въ своей непогрѣшимости. Родители—элементъ новый. Это тотъ свѣжій воздухъ, который врывается въ затхлую атмосферу. Они вносятъ въ педагогическій совѣтъ заявленія о потребахъ жизни, о нуждахъ общества, о современной необходимости. Никто не станетъ утверждать, чтобы педагоги исполняли все то, о чемъ заявляютъ родители,—но ни одинъ честный педагогъ не станетъ отрицать важности, пользы и необходимости прислушиваться въ тому, чего требуетъ жизнь и современная обстановка бытія.

Мы должны, въ утѣшеніе себя, добавить, что не одни мы подверглись классическому эксперименту. Тотъ же искусъ испытали и наши друзья французы. Вотъ что говоритъ извѣстный писатель Поль Бурже: „Наша воспитательная система создаетъ только ограниченныхъ буржуа, безъ иниціативы и безъ воли, или анархистовъ,—два типа, одинаково опасныхъ—цивилизованнаго человѣка, безплодно вращающагося либо среди безсильной пошлости, либо увлеченнаго безуміемъ разрушенія“...

Тень [1]) говоритъ такъ: „Наши школы не даютъ своимъ ученикамъ такой подготовки, болѣе важной, чѣмъ всякая другая, не снабжаютъ его необходимой твердостью здраваго смысла, воли и нервовъ, а наоборотъ, вмѣсто того, чтобы образовать ученика для предстоящихъ ему условій жизни, школа лишаетъ его необходимыхъ для этого

[1]) Taine. Le regime moderne, t. II, 1894.

качествъ. Отсюда вытекаетъ то, что его вступленіе въ жизнь, его первые шаги на поприщѣ практической дѣятельности часто сопровождаются рядомъ непріятныхъ пораженій, вызывающихъ у него чувство огорченія и оскорбленія, долго не исчезающее и порой искалѣчивающее его навсегда".

„Но такая система воспитанія,—говоритъ Фуллье, внушаетъ гораздо большую опасность: она внушаетъ тому, кто ее получилъ, отвращеніе къ условіямъ своего общественнаго положенія.. Вмѣсто того, чтобы подготовить людей для жизни, школа приготовляетъ ихъ только къ занятію общественныхъ должностей, гдѣ можно достигнуть успѣха, не проявляя ни малѣйшей иниціативы и не дѣйствуя самостоятельно... Пріобрѣтеніе такихъ познаній, которыя за тѣмъ не могутъ быть приложены къ дѣлу, служитъ вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы возбудить въ человѣкѣ недовольство"...

Я такъ долго остановился на великомъ вредѣ въ дѣлѣ уродливаго воспитанія ложныхъ, ненаціональныхъ и даже антинаціональныхъ воздѣйствій классической системы потому, что ни одна изъ націй не пострадала такъ отъ него, какъ наша родная Русская нація [1]). Ибо въ Россіи это воспитаніе проводилось министерскимъ деспотизмомъ, а Русскій министерскій деспотизмъ былъ лютѣе деспотизма персидскихъ сатраповъ. Эта гибельная система Русскаго классическго воспитанія достойна вниманія потому, что и нынѣ еще не улеглась склонность у нѣкоторыхъ лицъ вернуться къ столь милой рабовладѣльческой системѣ, которая еще такъ недавно царила у насъ. Еще до сихъ поръ мы не добились того, чтобы наша система воспитанія была національною, т. е. реальною и профессіональною. Голоса такихъ авторитетовъ, какъ Мендѣлеевъ и др. могутъ ли значить что нибудь для нашихъ бюрократическихъ сатраповъ.

Между тѣмъ воспитаніе въ дѣлѣ образованія національной души и національнаго характера, послѣ наслѣдственности, играетъ самую важную и самую существенную роль. Національное воспитаніе спасаетъ и укрѣпляетъ націю, если оно національно, и губитъ націю, если оно антинаціонально.

Прошлое націи. Настоящее — дитя прошлаго и родитель будущаго. Всякая нація въ настоящемъ есть плодъ ея прошлаго и основана для созиданія будущаго. Поэтому весьма естественно, что нація въ настоящемъ есть только послѣдствіе всего предшествующаго ея періода.— и это прошлое, ея исторія, безспорно имѣетъ весьма важное значеніе въ образованіи націи. Несомнѣнно, на характеръ Русской націи оказывали вліяніе—безпредѣльная равнина, ровный умѣренный климатъ, плодородіе земли, прекрасные рѣчные пути сообщенія,—но несомнѣнно также и то, что на національной душѣ Русскаго народа сильно отразилось и иго удѣльно-вѣчевое, и иго татарское, и иго бюрократическое, и иго классическое и т. д. Поэтому весьма

[1]) Проф. П. И Ковалевскій. Національное воспитаніе.

естественно, что прошлое націи является весьма важнымъ дѣятелемъ въ созданіи ея настоящаго, при чемъ въ этомъ созиданіи принимали участіе какъ природа и окружающія обстоятельства, такъ и сама нація.

Приспособленіе путемъ подражанія, просвѣщеніе, вѣками совершенствующееся, воспитаніе въ духѣ національнаго бытія, окружающія нравственныя вліянія, законодательства, экономическій строй страны и взаимоотношенія съ сосѣдними націями не могутъ не воздѣйствовать на національный характеръ и душу націи. Вѣками среда воздѣйствуетъ на человѣка, какъ и человѣкъ на среду. Соціальный подборъ благопріятствуетъ бытію однихъ лицъ и служитъ къ гибели другихъ. Этимъ самымъ онъ воздѣйствуетъ и на свойства самой націи.

Соціальный подборъ, при столкновеніи лицъ, ведетъ къ гибели слабѣйшихъ и торжеству сильнѣйшихъ. Тоже бываетъ и съ націями: слабѣйшія въ борьбѣ падаютъ,—сильнѣйшія господствуютъ. Исторія есть лѣтопись этой борьбы,—но исторія—повѣствованіе постепеннаго роста, развитія, совершенствованія и видоизмѣненія данной націи,—поэтому прошлое есть важнѣйшій дѣятель въ созиданіи настоящей націи.

Душа и характеръ націи. Прежде чѣмъ касаться душевныхъ свойствъ той или другой націи слѣдовало бы установить ея физическія качества, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что душевныя свойства во многомъ зависятъ отъ физическихъ качествъ и во всякомъ случаѣ стоятъ съ ними въ тѣсномъ соотношеніи. Лебонъ говоритъ [1]): каждый народъ обладаетъ душевнымъ строемъ столь устойчивымъ, какъ и его анатомическія особенности и отъ него то и происходятъ его чувства, его мысли, его учрежденіе, его вѣрованіе и его искусство. Нѣкоторые полагаютъ даже, что сила характера зависитъ отъ длины мозга, тогда какъ умственная сила связана съ широтою передней части мозга. Поэтому германцы должны отличаться большой энергіей, иниціативой и индивидуальностью, тогда какъ французы и Русскіе—большимъ умомъ, обиліемъ и высотой талантовъ и вообще мыслительными даро ваніями (Фуллье).

Изученіе физическихъ свойствъ націй составляетъ предметъ особенной науки антропологіи и отняло бы слишкомъ много мѣста въ данной работѣ. Поэтому я ограничиваюсь только изученіемъ душевныхъ свойствъ націи.

Что такое душа? Мы воздержимся отъ теологическаго опредѣленія этого понятія и ограничимся естественно научнымъ. Съ послѣдней точки зрѣнія, по однимъ, душа есть проявленіе отправленій нервной системы,—по другимъ, душа есть энергія центральной нервной системы. Спрашивается, что же такое душа націи? По Лебону, жизнь народа, его учрежденія, его вѣрованія и искусства суть видимыя проявленія невидимой души націи... Душа народа—моральныя и интеллектуальныя

---

[1]) Лебонъ. Психологія народовъ и массъ, 1896.

особенности, составляющія синтезъ всего его прошлаго, наслѣдство всѣхъ его предковъ и побудительныя причины его поведенія... Тотъ запасъ идей и чувствъ, который приносятъ съ рожденіемъ на свѣтъ всѣ особи одной и той же расы образуютъ душу расы. Къ этимъ проявленіямъ души относятся языкъ, учрежденія, убѣжденія, вѣрованія, искусство, литература и проч. проявленія цивилизаціи.

Невидимая въ своей сущности, эта душа очень видима въ своихъ проявленіяхъ, такъ какъ въ дѣйствительности она управляетъ всей эволюціей народа... Умершія поколѣнія передаютъ намъ свою физическую организацію,—они внушаютъ намъ также свои мысли. „Покойники суть единственные неоспоримые господа живыхъ. Мы несемъ тяжесть ихъ ошибокъ, мы получаемъ награду за ихъ добродѣтели".

Эта душа націи имѣетъ основныя особенности неизмѣнныя, какъ и анатомическіе признаки видовъ и легко измѣняемыя или второстепенныя. Чѣмъ выше нація, тѣмъ большее разнообразіе въ душевномъ строѣ ея особей,—напротивъ, низшія націи представляютъ значительное равенство. Основныя опредѣленныя проявленія души націи настолько прочны и неизмѣнны, что, какъ выражается Лебонь, неизмѣнная душа націи сама ткетъ свою собственную судьбу. Но есть много членовъ націи, которые представляются типичными носителями безсознательныхъ особенностей націи. Такими типичными представителями особенно являются художники. „Очень впечатлительные, почти безсознательные, мыслящіе преимущественно образами, очень мало резонерствующіе, художники являются самымъ вѣрнымъ зеркаломъ того общества, гдѣ они живутъ. Ихъ произведенія самые вѣрные документы, на которые можно указывать, чтобы воспроизвести истинный образъ какой-нибудь цивилизаціи" (Лебонь).

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что считаютъ душою націи.

Въ этой душѣ націи самое видное и важное мѣсто занимаетъ *характеръ націи*. Характеръ образуется сочетаніемъ въ различной пропорціи различныхъ элементовъ, которые психологи обозначаютъ нынѣ именемъ „чувствъ". Наиболѣе видными изъ этихъ чувствъ являются: настойчивость, энергія, способность владѣть собою, непобѣдимое упорство, способность жертвовать собою для идеала, ненарушимое уваженіе къ закону,—всѣ эти способности—проявленія воли.

Фуллье говоритъ, что самою основною чертою національнаго характера является воля. Подъ волею онъ разумѣетъ „общее направленіе наклонностей, врожденное, или пріобрѣтенное". Къ этимъ же основнымъ свойствамъ національной души относится и нравственность, понимая ее въ смыслѣ „наслѣдственнаго уваженія къ правиламъ, на которыхъ покоится существованіе общества. Имѣть нравственность для народа—значитъ имѣть извѣстныя твердыя правила поведенія и не отступать отъ нихъ"... Умственныя качества націи, подъ вліяніемъ воспитанія могутъ измѣняться, но качества характера являются неизмѣнными. Это тѣ неизмѣнные основные элементы, которые позволяютъ различать психическій складъ высшихъ народовъ (Лебонь).

„Вліяніе характера—самый могущественный факторъ въ жизни народовъ, между тѣмъ какъ вліяніе ума въ дѣйствительности очень слабо". (Лебонь). „Умъ, пишетъ Ribot, лишь побочная форма психической эволюціи. Основной типъ ея есть характеръ. Умъ, когда онъ слишкомъ развитъ, скорѣе ведетъ къ его разрушенію".

Если національный характеръ является слишкомъ прочнымъ и основнымъ проявленіемъ національнаго существованія, то весьма естественно, что двѣ установившіяся націи не могутъ слиться вмѣстѣ. „Вопреки установившимся историческимъ видимостямъ, психическій складъ расъ, когда онъ уже образовался, обладаетъ столь же устойчивыми признаками, какъ и анатомическіе признаки видовъ... Психическія организаціи, построенныя по совершенно различнымъ типамъ, не могутъ достигнуть полнаго сліянія. Вѣковыя столкновенія расъ имѣютъ главнымъ своимъ основаніемъ непримиримость ихъ характеровъ. Ничего нельзя понять въ исторіи, если не имѣешь постоянно въ виду, что различныя расы не могутъ ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковымъ образомъ, ни, слѣдовательно, понимать другъ друга" (Лебонь). Народы гибнутъ по мѣрѣ того, какъ портятся качества ихъ характера, составляющія основу ихъ души.

Умственныя проявленія, не смотря на ихъ величіе, важность, красоту и практическое значеніе, не создаютъ еще цивилизаціи и не поднимаютъ еще націи до высоты цивилизованнаго народа. „Можно легко сдѣлать бакалавра и адвоката изъ негра, но этимъ ему даютъ чисто внѣшній лоскъ, безъ всякаго воздѣйствія на его психическую природу... Этотъ негръ можетъ получить сколько угодно дипломовъ, но никогда ему не подняться до уровня обыкновеннаго европейца" (Лебонь). Наполеонъ I сказалъ: поскобли Русскаго и въ немъ увидишь татарина. Мнѣ кажется, примѣръ для Наполеона стоялъ ближе. Послѣдняя война показала, что, несмотря на успѣхи въ наукѣ, на созданіе многихъ отдѣловъ науки, нѣмцы оказались чистокровными варварами, разбойниками, грабителями, тупыми и грубыми животными и лѣсными хищниками. Ихъ умъ ихъ весьма сильно унизилъ въ семьѣ человѣческихъ существъ,—и татаринъ-русскій оказался неизмѣримо высшимъ человѣкомъ, чѣмъ цивилизованный нѣмецъ. И если поскоблить нѣмца, то въ немъ окажется подлый хищникъ и стервятникъ.

Мы указали, что при встрѣчѣ двухъ націй между собою, или при слѣдованіи одной націи послѣ другой никогда націи не обезличиваются, а остаются самобытными. Но они не являются и безразличными по отношенію къ позаимствованіямъ даровъ другихъ націй, только эти позаимствованія усвояются не въ чистомъ ихъ видѣ, а видоизмѣненными, соотвѣтственно свойствамъ и характеру данной націи. Нѣкоторыя націи отличаются особенно быстрою способностью видоизмѣнять и приспособлять эти позаимствованія. Этимъ свойствомъ отличаются индусы, персы и проч.

Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія приспособленіе къ національнымъ свойствамъ религіозныхъ догматовъ. Прежде

всего нація воспринимаетъ тѣ религіозныя вѣрованія, которыя соотвѣтствуютъ національнымъ особенностямъ данной націи. Такъ напр., при Владимірѣ Св. Русскимъ предлагались религіи: католическая, магометанская и іудейская; но онъ избралъ именно ту, которая вполнѣ соотвѣтствовала національнымъ свойствамъ Русской славянской души. Воспріявъ ту или другую религію, нація не исповѣдуетъ ее всецѣло, въ томъ видѣ, какъ воспріяла, а приспособляетъ ее къ своимъ нравамъ и обычаямъ. Такъ, Православіе грековъ гораздо жостче и нетерпимѣй, чѣмъ Православіе Русскихъ. Еще болѣе мы видимъ видоизмѣненіе воспринятой религіи, соотвѣтственно національнымъ особенностямъ, у чеховъ, нѣмцевъ, англичанъ и проч.

Такимъ образомъ душа націй существуетъ. Если душа отдѣльнаго человѣка есть совокупность отправленій центральной нервной системы, то душа націи есть совокупность объединяющихъ данную націю душевныхъ проявленій, выработанныхъ вѣками путемъ наслѣдственности, воспитанія, среды, подражанія, исторіи, литературы, творчества, общественныхъ учрежденій и проч.

Психологія Русскихъ славянъ.

Какова должна быть душа Русскихъ славянъ въ зависимости отъ обстановки?

Если окружающая природа воздѣйствуетъ на образованіе характера человѣка и націи, то можно думать, что уже бѣглый взглядъ на природу данной мѣстности до нѣкоторой степени дастъ данныя для сужденія о томъ, какой характеръ, какая душа должна быть у народа, живущаго въ данной мѣстности? Такое предположеніе, дѣйствительно, часто можетъ быть оправдано. Теперь спрашивается какая же душа можетъ быть у славянъ, населяющихъ пространство земли, именуемое Россіей?

Россія въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ занимаетъ величайшую въ мірѣ площадь граничащую съ сѣвера Бѣлымъ и Словенскимъ (Балтійскимъ) морями, съ запада р. Вислою до Карпатъ включительно, съ юга Русскимъ или Чернымъ моремъ и съ востока Уральскимъ хребтомъ.

Эта величайшая въ мірѣ площадь представляетъ безпредѣльную равнину, весьма плодородную, ограниченную четырьмя морями и прорѣзанную большимъ количествомъ судоходныхъ рѣкъ. Климатъ этой страны умѣренный, безъ крайняго холода и безъ крайняго жара. Великія горы являются только по границамъ. Болотистыхъ мѣстъ очень мало,—слишкомъ сухихъ—почти нѣтъ.

Какая душа можетъ создаться у націи живущей въ такомъ мѣстѣ?

Возьмемъ прежде всего центръ. Безпредѣльность пространства даетъ свободу выбора поселенія и склонность къ свободѣ и независимости. Изобиліе плодовъ земныхъ—благодушіе, доброту, спокойствіе и

снисходительность. Обильные пути сообщенія способствуютъ благосостоянію и развитію общительности, гостепріимства и взаимопомощи. Открытое небо и обширное пространство—даютъ прямоту, откровенность, отсутствіе лукавства и независимость мнѣнія. Богатство и разнообразіе природы—отсутствіе напряженнаго труда, свобода для мышленія, возможность развитія умственнаго кругозора, основы для развитія умственнаго и культурнаго. Избытокъ плодовъ земныхъ и путей сообщенія—сношенія съ иноземцами, обмѣнъ плодами трудовъ, обогащеніе познаній, расширеніе умственнаго кругозора, основы для созиданія культуры. Слишкомъ большое племя и безпредѣльное пространство—важная основа къ безбоязненности сосѣдей и склонность къ неподчиненію себѣ подобному,—а отсюда нерѣдкіе непріятные уроки отъ сплоченныхъ сосѣдей въ видѣ разореній, плѣненій и грабежей. Благосостояніе жизни величіе и безпредѣльность природы и отсутствіе неблагопріятной среды развиваетъ склонность къ мечтательности и религіозности, религіозности добра, снисходительности, всепрощенія, любви, милосердія, взаимопомощи и самопожертвованія.

Легко и обильно вознаграждаемый трудъ способствуетъ развитію лѣни, отсутствію упорнаго настойчиваго труда, осмотрительности, предосторожности, предусмотрительности. Свобода и благодушіе развиваютъ веселость, склонность къ поэзіи, фантазированію и воображенію,—но все это не въ бурной, а въ тихой и мирной степени.

Такимъ образомъ, положеніе страны, климата и почвы вполнѣ способствовали у Русскихъ славянъ развитію характера добраго, мирнаго, любовнаго. Но земля эта слишкомъ велика и эта ея великость создавала въ различныхъ мѣстахъ нѣсколько отличныя условія бытія.

Такъ, приморскіе жители жили въ условіяхъ иныхъ, чѣмъ равнинные. Тутъ требовался усиленный трудъ,—рискъ, борьба, жизненная опасность, предпріимчивость и предусмотрительность. Это и отразилось на приморскихъ славянахъ. Они были очень подвижны, предпріимчивы, воинственны, стойки, великіе борцы, славные воины и рѣшительные предприниматели. Возьмемъ ли мы славянъ у Варяжскаго Словенскаго моря,—они были хорошо извѣстны и Ганзѣ и Любеку, и Пермской Землѣ, и Швеціи. Возьмемъ ли мы жителей Тмутараканской Руси—предъ ними трепетало все Русское побережье и самъ Царьградъ платилъ имъ дань. У этихъ славянъ, а слѣдовательно и въ крови всѣхъ славянъ не было недостатка въ храбрости, отвагѣ, смѣлости, воинственности, пренебреженія къ смерти и т. п. качествамъ великаго воина; только у приморскихъ славянъ эти качества находили примѣненіе,—а у равнинныхъ славянъ они пребывали въ скрытомъ состояніи.

Иной характеръ долженъ былъ развиваться у прирѣчныхъ славянъ. Они занимались торговлей. И тутъ требовались предпріимчивость, сообразительность, рѣшительность, отвага и большой разсудокъ, а также готовность всегда отстоять свое добро. Но рядомъ съ этимъ торговля способствовала обогащенію, благосостоянію и жизни болѣе

мирной. Воинственность этихъ жителей являлась оборонительной, а не наступательной и потому отличалась отъ воинственности пограничныхъ жителей, которая являлась болѣе острою и болѣе напряженною.

Далѣе, на пространствѣ значительной части сѣверо-западной Руси было много болотъ и земля была мало плодородна. Жители этой мѣстности жили въ плохихъ условіяхъ, работали много, а питаніе было недостаточное. Такія условія не могли не создать въ нихъ забитости, подавленности, излишней тихости, нерѣшительности и болѣе низкаго умственнаго уровня. Благо и то, что болота и лѣса мало привлекали пришельцевъ и бѣлоруссы могли жить подъ прикрытіемъ природныхъ трудно доступныхъ условій.

Иныя условія бытія были въ нынѣшней Малороссіи и Великороссіи. Великороссы имѣли по сосѣдству финскія племена—тихія легко поддающіяся вліянію и быстро ассимилирующіяся,—причемъ дѣйствительно они легко слились съ великороссами,—но вмѣстѣ съ тѣмъ влили въ нихъ достаточно своей лимфатической, низшей качественно крови. Иное положеніе было Малороссіи и Таманской Руси. Южная Русь представляла собою великій путь переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу. Множество тюркскихъ и татарскихъ ордъ прошло черезъ южную Русь. Великую борьбу пришлось претерпѣть южноруссамъ. Не малая толика тюркской крови влилась и въ славную славянскую кровь. Все это не могло не отразиться на составѣ крови и на строеніи національной души южно-русса. Затѣмъ Тмутараканская Русь, въ лицѣ своихъ предковъ скифовъ и савроматовъ стояла въ тѣсной связи и родственной и общественной съ антами и аланами (оссами) и съ кимврами (кабардинцами). Не можетъ быть, чтобы это тѣсное отношеніе не оказало вліянія на физическую и духовную жизнь южнорусскихъ славянъ.

Дальнѣйшая судьба великороссовъ и малороссовъ опять не одинакова. Одни подпали подъ иго татарское,—другіе—подъ иго польское. Отъ перваго великороссы избавились начинаніемъ и напряженіемъ Московскихъ князей, а малороссы сотни лѣтъ, не имѣя во главѣ владыки, сами всею массою, нація своимъ разумѣніемъ и своею волею вели борьбу съ поляками.

Всѣ эти условія жизни, значительно различныя у великороссовъ и малороссовъ, не могли не создать нѣкоторыхъ отличій въ характерѣ и душѣ этихъ двухъ разновидностей Великой Русской націи. И нужно сказать правду, что приливъ крови финской у великороссовъ не пошелъ имъ въ особенную пользу,—тогда какъ приливъ крови азіатскихъ хищниковъ у малороссовъ въ значительной мѣрѣ долженъ былъ возбудить и энергировать покойный и мирный духъ славянской націи.

Вотъ приблизительная картина того, какова должна была бы быть Русская славянская нація при естественныхъ условіяхъ ея существованія.

Посмотримъ же какая она на самомъ дѣлѣ.

Психологія Русскихъ славянъ. Жители Европы почти всѣ относятся къ арійцамъ. Много основаній допускать, что всѣ они имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ происхожденія Кавказъ, почему независимо отъ послѣднихъ научныхъ данныхъ, ихъ относятъ къ Кавказскому племени. Можно допустить, что, постепенно размножаясь, они двигались отсюда на сѣверъ (Русскіе и литовцы), сѣверо-западъ (кельты и германцы) и на юго-западъ (греки и римляне). Только часть этихъ арійцевъ попала въ Азію и осталась въ видѣ индо-арійскаго небольшого племени. Но существуетъ и другое мнѣніе. Всѣхъ жителей Европы дѣлятъ на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ. Къ длинноголовымъ относятъ германцевъ и англосаксовъ,—къ короткоголовымъ—кельтовъ, куда относятся народы славянской расы (Русскіе и другіе славяне) и латинской (французы, итальянцы и проч.). То ли мы примемъ дѣленіе, или другое—безразлично,—но несомнѣнно то, что кельты и славяне представляютъ большое сходство между собою какъ физическое, такъ и душевное и обѣ эти націи рѣзко отличаются отъ германской расы. Эта расовая разница слишкомъ велика, настолько велика, что стала предметомъ борьбы за существованіе „Войны, происходившія до сихъ поръ, оказываются простою забавою по сравненію съ грандіозною борьбою подготовляющеюся для будущихъ вѣковъ. Люди будутъ истреблять другъ друга миллионами изъ за одной или двухъ сотыхъ разницы въ черепномъ показателѣ". Это было сказано лѣтъ 20 назадъ. Пророчество исполнилось. Германцы напали на кельтовъ славянъ, напали дико, грубо, нагло, по звѣрски,—и были жестоко проучены и наказаны. Мы надѣемся, что кельтамъ и славянамъ нечего дѣлить между собою и для ихъ мирной культурной жизни достаточно мѣста на земномъ шарѣ,—ну а германцевъ они будутъ держать такъ, какъ всегда того заслуживаетъ дикій хищникъ, хотя бы и прирученный.

Для того, чтобы вполнѣ правильно познать психологію настоящихъ теперешнихъ Русскихъ нужно знать ихъ прошлое, ихъ предковъ—скиѳовъ, сарматъ и древнихъ славянъ. А что мы знаемъ о нихъ? Почти ничего, или очень мало. Приходится ограничиваться настоящимъ.

Душевная жизнь человѣка складывается изъ трехъ областей: чувствительной, мыслительной (куда относится умственная дѣятельность и чувствованія) и произвольныхъ поступковъ (отношенія людей между собою, научная жизнь, творчество, литература, художество, законодательство, военная жизнь, промышленность, торговля и проч.).

Разсмотримъ эти области отдѣльно.

А. *Чувствительная область.* Наука намъ дала не особенно много въ этомъ отношеніи. Есть, однако, одна работа, которая имѣетъ то особенное значеніе, что она является сравнительно-физическою по отношенію къ славянской націи. Эта работа кн. Вяземскаго. Вотъ данныя его изслѣдованій:

Въ области *зрѣнія* славяне любятъ яркіе цвѣта, особенно Русскіе. Любимые цвѣта—розовый, красный и голубой. Русскіе любятъ

голубой и красный,—болгары—розовый, красный и голубой,—сербы—красный, синій и фіолетовый.—Въ молодомъ возрастѣ славяне любятъ музыку громкую, быструю и веселую. Веселье и жизнерадость присущи славянской націи,—особенно въ Малороссіи

Съ годами, однако, любовь къ бурной музыкѣ ослабѣваетъ и они предпочитаютъ музыку унылую, тихую, медленную и грустную,—особенно женщины. Музыкальность значительно развита у малороссовъ. Ихъ мелодіи необыкновенно пріятны и сильно дѣйствующи. Оттѣнокъ малороссійскихъ напѣвовъ грустный и печальный Веселые и радостные мотивы значительно рѣже,—но за то они отличаются сильною бурностію и увлеченіемъ.

Въ области *вкуса* Русскіе предпочитаютъ сладкое,—Русскіе и сербы—кислое и соленое, а болгары—сладкое и кислое. Жареная пища предпочитается вареной.—Русскіе любятъ сильные *запахи;* особенно развито обоняніе у болгаръ, быть можетъ потому, что природа богато ихъ одарила пахучими растеніями, какъ напр. Казанлыкскія розы и проч.,—за тѣмъ слѣдуютъ сербы и Русскіе. Изъ Русскихъ особенно малороссы любятъ пахучіе цвѣты и травы. Почти у каждаго дома въ Малороссіи вы увидите гвоздики, мяту, канупиръ, любыстокъ и много другихъ цвѣтовъ.

Славяне, особенно славянки, любятъ наряжаться. Въ этомъ отношеніи они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Русскіе, сербы и болгары. У малороссовъ очень развито вышиваніе, при чемъ множество рисунковъ шитья составляютъ гордость малороссовъ. Рубахи малороссіянокъ и малороссовъ украшены обильнымъ и очень красивымъ шитьемъ. Нужно отдать справедливость, что это шитье отличается сдержанностью, гармоніей и очень тонкимъ изяществомъ. Ничего рѣзкаго, ничего слишкомъ бросающагося въ глаза, ничего аляповатаго вы въ немъ не замѣтите. Не лишены щегольства изящества и сербки. Сербы и болгары гораздо больше увлекаются нарядами, чѣмъ Русскіе,—Русскіе предпочитаютъ простоту, удобство и покой.

Б. *Умственныя способности* Славянская нація въ умственномъ отношеніи высокодаровитая нація. Несмотря на то, что она была весьма долгое время въ рабствѣ, лишена была всякаго образованія, прозябала во тьмѣ и невѣжествѣ, цвѣтъ ея, люди просвѣщенные и образованные поражали всѣхъ своимъ умомъ, своимъ дарованіемъ, своимъ познаніемъ и необыкновеннымъ быстрымъ и яснымъ пониманіемъ.

Прибавимъ, что умственная Русская нація только начинаетъ жить.

Русскіе отличаются быстротою и точностью воспріятія, почему ихъ представленія отличаются ясностью, точностью, отчетливостью и правдивостью.

Сообразительность Русская быстрая и точная, что объясняется живостью и быстротою сочетанія и точностью воспріятія. Точность опредѣленій въ Русскомъ народѣ особенно выдѣляется въ ихъ прозвищахъ, даваемыхъ людямъ, предметамъ и явленіямъ. Если Русскіе даютъ

прозвище, то оно такъ мѣтко и такъ точно, что его очень трудно послѣ того снять, или замять. Особенно точны и мѣтки, а часто и ядовиты, эти прозвища въ Малороссіи. Какъ рѣчь, такъ и изложеніе Русскихъ отличается ясностью, краткостью и соотвѣтствіемъ дѣйствительности. Изложеніе Русскаго уступаетъ въ блескѣ и красотѣ изложенію француза,— но зато оно точнѣе и солиднѣе. Французскій блескъ нерѣдко обусловливается нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ дѣйствительности и личною прикрасою,— тогда какъ Русское изложеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности и потому безъ прикрасъ. Изложеніе француза легко, остроумно и ведетъ къ ясному выводу,—изложеніе Русскаго всегда обосновано и также ведетъ къ выводу, но послѣ болѣе долгаго обоснованія.

Французъ ограничивается изученіемъ того, что лежитъ ближе и стремится все это облечь въ красивой формѣ,—Русскій обстоятельность изученія предпочитаетъ красотѣ и блеску; почему мнѣнія француза не рѣдко грѣшатъ поверхностью и односторонностью, тогда какъ изложенія Русскаго безупречны въ полнотѣ изученія. Французъ часто ограничиваетъ изученіе одними французскими источниками, относясь съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ иностранному, тогда какъ Русскій ставитъ своимъ долгомъ всестороннее ему доступное изученіе лишь бы не грѣшить поверхностью. Поэтому представленія Русскаго отличаются ясностью, точностью и дѣйствительностью или реальностью.

Несравненно большее отличіе представленій Русскаго отъ таковыхъ же нѣмца. Послѣдніе отличаются туманностью и сложнѣйшимъ изложеніемъ. Его воспріятіе медленное, какъ бы вымученное, сочетаніе очень длительное и крайне сложное,—изложеніе многословное и туманное.

Воспріятіе нѣмца отличается тупостью, а сочетаніе—вымученностью. Еще Гете отмѣчаетъ, что „характерной чертой германцевъ является ихъ способность медленно воспринимать“. Изложеніе нѣмецкое часто столь темно, сложно и запутанно что часто возникаетъ мысль—понималъ ли самъ авторъ то, что онъ хотѣлъ сказать.

Теченіе мыслей и сочетаніе ихъ у Русскихъ довольно быстрое, и часто не лишено остроумія, но оно значительно уступаетъ въ остротѣ и находчивости французу,—стоя въ то же время значительно выше нѣмецкаго. Нужно добавить, что изъ Русскихъ малороссы часто проявляютъ находчивость и остроуміе. Его рѣчи отличается чрезвычайной простотой и нерѣдко, какъ бы наивностью,—но за этой наивностью почти всегда кроется быстрая сообразительность, находчивость остроуміе. Малороссъ всегда какъ бы „собі на уми“. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчь малоросса почти всегда сопровождается юморомъ, при чемъ этотъ юморъ онъ начинаетъ съ себя и за тѣмъ переноситъ на другихъ. Юморъ малоросса добродушный и не обидчивый, но очень мѣткій и вѣрный. Рѣчь Русскаго отличается серьезностью и строгостью. Если онъ даже веселъ, то его веселье не переходитъ въ задоръ. Онъ смѣется, но не насмѣхается.

Понятія Русскаго, какъ дѣйствительное отвлеченіе отъ однородныхъ фактовъ отличается короткостью, точностью и ясностью. Эти отвлеченія отъ предметовъ настолько реальны и близки къ представленію, что могутъ грѣшить скорѣе односторонностью чѣмъ туманностью и расплывчатостью. Опредѣленія француза отличаются изяществомъ, граціей и эффектомъ.—Въ самомъ остроуміи французъ преслѣдуетъ болѣе блескъ и эффектъ, чѣмъ личное отношеніе, или, какъ говоритъ, Фуллье, это не столько столкновеніе личностей, сколько столкновеніе идей, сопровождающееся блестящими искрами. Опредѣленія Русскаго отличаются соотвѣтствіемъ и опредѣленностью, — нѣмца путанностью и туманностью.

Сужденія Русскаго отличаются послѣдовательностью, логичностью и реальностью. Въ своихъ посылкахъ онъ предпочитаетъ основываться на фактахъ и образахъ, чѣмъ на мнѣніяхъ и отвлеченіяхъ. Въ выборѣ доводовъ онъ основательность ихъ предпочитаетъ количеству и очень осторожно относится къ подобраннымъ положеніямъ. Сочетаніе положеній совершается довольно быстро и въ тѣсной связи. Въ подборѣ положеній Русскій настолько остороженъ, что предпочитаетъ упрекъ въ невѣдѣніи упреку въ безразборчивости. Безразборчивость можетъ набросить тѣнь злого умысла, тогда какъ невѣдѣніе допустимо каждому.

Поэтому его *выводы* точны, вѣрны и несомнѣнны, соотвѣтственно положеннымъ основаніемъ. Но одна черта особенно выдѣляетъ выводы Русскихъ: это какая то нерѣшительность и не категоричность. Русскій, какъ бы боится, чтобы его не обвинили въ преувеличеніи и самонадѣянности. По своей скромности, не рѣдко Русскій дѣлаетъ выводъ не полный и нерѣдки случаи, когда изъ данныхъ автора цѣнные выводы дѣлали другіе авторы.

Не рѣдко выводы автора сопровождаются оговорками и смягченіями, совершенно излишними. Въ этомъ чрезвычайно рѣзко сказывается національная особенность Русскаго славянства—*казаться ниже, чѣмъ есть*. Нерѣдко выводы отличаются неожиданностью и новизной,— но чѣмъ они своеобразнѣй и цѣннѣй, тѣмъ авторъ держитъ себя скромнѣй и сдержаннѣй

Направленіе мышленія Русскихъ славянъ исключительно *реальное* и совершенно лишено склонности къ отвлеченности и метафизикѣ. Многомилліонный народъ съ блестящей интеллигенціей почти совершенно не имѣетъ философовъ метафизическаго и отвлеченнаго направленія. Мало того, въ силу своего нерасположенія къ отвлеченности и всему туманному, Русское общество избѣгаетъ чтенія нѣмецкихъ философовъ, и эти сочиненія у насъ не идутъ вовсе. Если эти книги иногда и попадаются въ частныхъ библіотекахъ, то или неразрѣзанными, или поставленными для того, чтобы хозяину не считаться невѣжею.

Значитъ ли это, что Русскіе совершенно чужды философіи и неспособны философски мыслить? Ничуть. Напротивъ, натурфилософія Писарева имѣла такой успѣхъ, что она считалась опасною и заразитель-

ною не только въ 60 хъ годахъ XIX в.,—но даже и нынѣ запрещена для продажи и публичныхъ библіотекъ. Не менѣе имѣли и имѣютъ успѣхъ произведенія Михайловскаго, Добролюбова и др. Только эта философія не метафизическая. Она касалась или областей естествознанія или соціалистическихъ. Славяне—враги метафизики. Это реалисты и практики въ самомъ широкомъ смыслѣ. Они живутъ живою жизнію, исповѣдуютъ живыя мысли и питаютъ отвращеніе къ метафизикѣ.

Что касается научной продуктивности Русскихъ славянъ, то, не смотря на слишкомъ краткое существованіе Русской націи, она безспорно доказала свою великую умственную мощь, которая въ будущемъ развернется неизмѣримо шире и выше. Жизнь націи далеко не одинакова для всѣхъ націй. Малыя націи живутъ не долго, большія націи имѣютъ неизмѣримо большую жизненность.

Россія, занимающая 1/6 часть тверди земной, включающая въ себя болѣе 150 націй, сама представляющая болѣе 120 милліоновъ членовъ націи,—несомнѣнно будетъ имѣть весьма длинное бытіе. Ея жизнь не только еще не развилась, а только начинаетъ развиваться. И въ этотъ-то моментъ она насчитываетъ въ числѣ своихъ сыновъ первоклассныхъ ученыхъ, первоклассныхъ художниковъ, первоклассныхъ изобрѣтателей и т. д. Поэтому весьма естественно, умственная мощь этой націи очень велика. Доказывается это уже и тѣмъ, что за короткій срокъ ея цивилизованнаго бытія она народила очень большое число великихъ геніевъ и между ними такого первокласснаго и первѣйшаго генія, какъ императоръ Петръ.

Что такое геній? Геній есть высшее и даже высочайшее проявленіе душевныхъ силъ у даннаго лица, по сравненію съ такими же лицами, равными ему по возрасту, общественному положенію, національности и географическому положенію. Это есть высшій расцвѣтъ умственныхъ и душевныхъ силъ и мощи націи. Это есть краса и честь семьи и общества, государства и человѣчества. Геніи не создаются, а родятся. Ни воспитаніе, ни образованіе, ни другія условія жизни не могутъ изъ даннаго лица сдѣлать генія, если онъ къ тому не имѣетъ природныхъ дарованій. Если душа націи есть совокупность всѣхъ дарованій, присущихъ данной націи, то геній есть воплощеніе въ одномъ лицѣ всѣхъ величайшихъ дарованій націи. Геній есть свѣтъ, вѣчно посылающій свои блестящіе лучи на тьму земную и просвѣщающей ее во вѣки. Но этотъ свѣтъ отличный отъ свѣта другихъ геніевъ. Свѣтъ генія одной націи имѣетъ иной оттѣнокъ, чѣмъ свѣтъ генія другой націи. Вотъ мы имѣемъ передъ собой трехъ величайшихъ геніевъ: Наполеонъ, Бисмаркъ и Петръ Великій. Наполеонъ—геній Франціи и ея воплощеніе. Бисмаркъ—геній Германіи и ея воплощеніе. Петръ Великій—геній Россіи и ея воплощеніе. Несомнѣнно Бисмаркъ меньше Наполеона, какъ Наполеонъ несравненно меньше Великаго Петра. Если геній есть воплощеніе націи, то его величина прямо пропорціональна величинѣ націи. Съ этой точки зрѣнія Петръ Великій есть величайшій геній въ мірѣ, какъ величайшая въ мірѣ нація Русская.

Ни большаго, ни равнаго Петру въ мірѣ не было. И не можетъ быть, ибо Россія въ мірѣ величайшая держава. Французская нація велика, но она меньше Россіи,—еще меньше чистая Германія. Если въ началѣ своего расцвѣта Россія дала такого величайшаго въ мірѣ генія, какъ Великій Петръ,—то мы можемъ надѣяться, что наша Великая Нація еще не разъ удивитъ міръ. Цѣлый рядъ другихъ геніевъ во всѣхъ родахъ науки и творчества показали, что умственныя силы Русской націи слишкомъ велики и съ этимъ величіемъ Русской націи можетъ сравниться развѣ еще одна ея національная особенность—это *скромность*.

Русская народная масса отличается чрезвычайно развитымъ *здравымъ смысломъ*, т. е. пониманіемъ явленій и обстоятельствъ самолично, безъ посторонняго толкованія, причемъ въ огромномъ числѣ случаевъ это пониманіе правильно и разумно. Этимъ объясняется все то, что въ Россіи на безпредѣльномъ пространствѣ и множествѣ медвѣжьихъ угловъ, предразсудки и суевѣрія очень рѣдко даютъ кровавыя расправы. Здравый смыслъ является яркимъ показателемъ будущаго умственнаго величія Русской славянской націи, ея даровитости и надежды на великое ея будущее. Русская смекалка или сметка является также отличною чертою въ народѣ. Этотъ народный *здравый смыслъ* видится не только въ простомъ народѣ, но и въ творчествѣ его представителей. Морисъ Берингъ[1]) по этому повсду говоритъ: „Русскій поэтическій геній и Русская поэзія не только связаны съ почвой, но и основываются на глубокомъ здравомъ смыслѣ и проникнуты имъ,—проникнуты удивительной простотой, идущей прямо къ дѣлу и не терпящей вычурности лишнихъ украшеній".

Рядомъ съ умственнымъ проявленіемъ человѣческой души стоятъ *воображеніе* и *фантазія*. Воображеніе — возстановленіе въ нашей памяти пережитыхъ нами обстоятельствъ, воспринятыхъ нами впечатлѣній встрѣчаемыхъ нами людей, предметовъ и происшествій въ дѣйствительномъ видѣ, въ томъ видѣ, какъ они были,—фантазія—представленіе предъ нами образовъ и происшествій, но въ искусственномъ, нами произвольно изложенномъ и сочетанномъ видѣ И та и другая изъ этихъ душевныхъ способностей намъ присуща и въ границахъ именно умѣренныхъ.

Русскіе не лишены этихъ способностей и не ограничены въ нихъ въ такой мѣрѣ, какъ напр. нѣмцы,—но они не слишкомъ и предаются фантазіи и не представляютъ такого избытка ея, какъ напр. испанцы и французы.

Въ нашей литературѣ, напр. нѣтъ ничего подобнаго „Похожденію Рокамболя", или „Графу Монтекристо", а тѣмъ болѣе многимъ уголовнымъ испанскимъ романамъ.

Но и наша литература не лишена произведеній, окрашенныхъ образами фантазіи, при чемъ эти произведенія блещутъ красотою фан-

[1]) Морисъ Берингъ. Вѣхи Русской литературы, 1914

тазіи и являются особенно привлекательными. Эта фантазія отличается реальностью, которая отличается отъ дѣйствительной природы только тѣмъ, что она выбрала изъ нея все прекрасное и изящное и обошла тѣневую сторону природы. Наилучшимъ примѣромъ тому служатъ изящнѣйшія изображенія природы Малороссіи въ вѣчныхъ и незабвенныхъ произведеніяхъ Гоголя. „Русскіе поэты, говоритъ Морисъ Берингъ, сдѣлали то, что имъ даетъ единственное исключительное положеніе въ міровой литературѣ: это извлечь поэзію изъ ежедневной жизни, которую они видѣли кругомъ себя, и выразить ее въ стихахъ неподражаемой красотѣ. Въ Русской поэзіи есть такая простота и здравость изображенія, какія нигдѣ больше не встрѣчаются,—тѣже свойства мы видимъ и въ Русскомъ народномъ творчествѣ... Если Русскій поэтъ и Русскій мужикъ просты, не любятъ необузданной фантазіи и болѣе всего любятъ правду,—если своей близостью къ природѣ, своимъ даромъ видѣть вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ и выражать ихъ съ величайшей простотой, спокойно, безъ всякой искусственности и аффективности—они давали намъ право назвать ихъ *реалистами*,—то въ такомъ случаѣ реализмъ не есть знаніе опредѣленной школы, теорія ограниченнаго кружка людей, или лозунгъ литературной партіи, а *лишь естественное выраженіе Русскаго характера и Русской натуры*“. Въ Гоголѣ Берингъ отмѣчаетъ сочетаніе фантастичности, любви къ сверхъестественному и вмѣстѣ съ этимъ тонкой наблюдательности, соединенной съ глубокимъ заразительнымъ юморомъ и богатствами шутки. „Большинство представляетъ себѣ Россію какъ страну сѣраго неба и однообразнаго пейзажа, подавленную безжалостно суровымъ климатомъ. Между тѣмъ разсказы Гоголя изъ жизни Малороссіи пропитаны запахомъ Малороссіи, полны солнца, веселья и мягкаго очарованія. Солнечный смѣхъ и свѣтъ Малороссіи передъ вами на каждой страницѣ разсказа“.

Таковы умственныя силы Русской славянской націи,— націи, начинающей только жить, но и теперь уже давшей большую плеяду геніальныхъ звѣздъ.

Характеръ Русской націи. Своеобразный національный характеръ Русской націи до сихъ поръ не опредѣленъ самими Русскими и совершенно не понятъ иностранцами. Вотъ что говоритъ Морицъ Берингъ: „Русская натура и Русскій характеръ сбиваютъ насъ съ толку, благодаря противоположности заключающихся въ немъ элементовъ. Такъ, напр., въ Русской натурѣ есть большая доля пассивности, а на ряду съ нею есть что то необузданное,—какой то духъ, ломающій всѣ преграды и готовый на все,—есть также элементы упорности и несокрушимаго упрямства. Поэтому опытъ указываетъ на практическую сторону Русскаго характера, которая влечетъ его ко всему реальному и внушаетъ отвращеніе ко всему неестественному“. Между тѣмъ характеръ есть, именно, та часть душевной жизни, которая наиболѣе опредѣляетъ націю и наиболѣе стойкою и неизмѣнной является въ отличительныхъ особенностяхъ націй.

Основнымъ качествомъ славяно—Русскаго характера является *доброта*. Если душа есть отправленіе элементовъ центральной нервной системы. то и проявленіе доброты, какъ основного качества характера націи, должно быть выраженіемъ особеннаго химическаго состава и особеннаго молекулярнаго сочетанія элементовъ нервнои системы, отличнаго отъ тѣхъ, каковы существуютъ у нѣмцевъ, французовъ англичанъ и проч. Это основное качество, въ своихъ подразвѣтвленіяхъ отражается на всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ душевной жизни націи. Какими условіями окружающей природы создано это качество у Русскихъ славянъ—трудно сказать. Влияло ли тутъ безпредѣльное пространство ихъ степей съ изобиліемъ плодовъ земныхъ и временехъ мирныхъ? Вліяло ли въ этомъ роль смѣшанное питаніе? Не оказало ли на всѣхъ славянъ вліяніе многовѣковое рабство,—все это покрыто пока неразгаданностью. Несомнѣнно, однако, доброта Русскихъ славянъ является проявленіемъ особеннаго состава и сочетанія ихъ нервныхъ элементовъ.

„Прелесть Русской жизни заключается въ ея глубокой прирожденной сердечности и въ отсутствіи лицемѣрія. Русскіе снисходительны къ недостаткамъ другихъ и не только надѣются, но знаютъ навѣрное, что по отношенію къ себѣ они встрѣтятъ ту же снисходительность“ (Беринъ). Эта доброта присуща всему Русскому племени присуща, какъ преступнику, такъ и судьѣ. Законы Россіи болѣе, чѣмъ какихъ либо другихъ странъ отличаются мягкостью, снисходительностью и прощеніемъ,—а народные судьи (присяжные) рады всякому случаю, чтобы еще больше смягчить этотъ, и безъ того слабый, законъ. Такое *благодушіе* націи нерѣдко служитъ ей же самой во вредъ, но этотъ вредъ проходитъ мимо глазъ націи и новые законы являются не строже. Сочетаніе добродушія и человѣчности и есть причина того *обаянія*, которое вызываетъ при встрѣчѣ съ нимъ каждый Русскій человѣкъ и все Русское... Страна кажется на первый взглядъ некрасивой, однообразной, лишенной блеска,—климатъ то слишкомъ холодный и сырой, то слишкомъ сухой и жаркій,—народъ кажется неповоротливымъ и тяжелымъ,—вездѣ много грязи, пыли, безпорядка, нищеты,—и не смотря на все это, даже иностранецъ, пожившій въ Россіи и знающій Русскій народъ, никогда не освободится отъ непреодолимаго влеченія къ ней, отъ вліянія скрытаго въ ней очарованія. (Беринъ).

Изъ доброты вытекаетъ также и *благожелательность*. Далѣе изъ доброты сердечной вытекаетъ еще одно Русское свойство—*щедрость*. Русскіе не привыкли дѣлать доброе дѣло въ мѣру. Если онъ что дѣлаетъ, то дѣлаетъ во всю ширь. Бѣдный отдаетъ послѣднюю копейку, послѣднюю рубаху, послѣдній кусокъ хлѣба,—богатый тоже не задумается долго надъ даяніемъ. Скупость и скаредность не свойственны славянской натурѣ. Даже расчетливость ей противна. Нѣмецкая расчетливость чужда славянской націи и возбуждаетъ въ славянахъ если не негодованіе, то отвращеніе.

Расчетливость французская стоитъ посрединѣ между *славянскимъ радушіемъ* и нѣмецкой скупостью. У славянъ именно и симпатично то,

что они проявляютъ свою щедрость не „скрѣпя сердце“, а отъ радостной души и съ веселымъ сердцемъ.

Очень часто внѣшній видъ Русскаго далеко не соотвѣтствуетъ его внутренней добротѣ и задушевности. Особенно это видно у малороссовъ. На первый взглядъ они кажутся суровыми и необщительными,—но очень скоро этотъ страшный на видъ человѣкъ является дѣтски добрымъ и расположеннымъ

Дитя доброты—*жалость*. Она у Русскихъ въ ихъ природѣ. „Чувство жалости - величайшій даръ Русскаго народа .. неоцѣнимый вкладъ, который Русскіе авторы сдѣлали въ сокровищницу мировой литературы,—*это то, что дали намъ одни только Русскіе* и ни одинъ другой народъ... Поэтому если реализмъ можетъ быть жизненнымъ, не будучи жестокимъ, если сатира можетъ быть столь безпощадной, если пониманіе въ жизни всего смѣшного можетъ быть столь широкимъ безъ примѣси злобы, то почва доброты, на которой все это выросло, должна быть дѣйствительно богатой и источники жалости, которые эту почву питаютъ должны быть дѣйствительно многоводны“ (Беринъ).

Русская жалость настолько коренное чувство націи, что проглядываетъ на каждомъ шагу нашей жизни. Преступники—эти враги общества, разрушающіе его благополучіе, подрывающіе его благосостояніе, покушающіеся на самую его жизнь, - извѣстны въ народѣ подъ именемъ „несчастненькихъ“.

Гдѣ та война Русскихъ, гдѣ бы Русскій солдатъ, сейчасъ послѣ боя и въ промежуткѣ между нимъ, не проявилъ бы доброты и благодушія къ непріятелю. Чѣмъ отвѣтили наши солдаты на жестокія звѣрства и подлыя издѣвательства прусскаго солдата, какъ не жалостью и прощеніемъ. А развѣ Русскіе полагали разницу между ранеными Русскими и раненымъ хищнымъ животнымъ нѣмцемъ. И это послѣ всѣхъ тѣхъ подлыхъ издѣвательствъ, которыя проявили варвары нѣмцы къ мирнымъ жителямъ Россіи, привезшимъ имъ деньги за леченіе... Только органическая національная черта можетъ держаться и проявляться столь крѣпко и неизмѣнно, какъ она проявилась у Русскихъ.

Сочувствіе у Русскаго тоже есть,—но оно проявляется только тогда, если ближній затѣялъ нѣчто доброе,—на злое Русскій не идетъ въ сотоварищи,—на злое нѣтъ у него сочувствія. Состраданіе потому вызываетъ участіе, что оно сопутствуетъ страданію. Сочувствіе можетъ быть соучастникомъ и добраго и недобраго, поэтому оно проявляется у Русскихъ славянъ частично, т. е. по отношенію къ одному только доброму.

Сестрой жалости является *сопереживаніе*, которое столь же крѣпко и столь же ярко у Русскихъ, какъ и остальныя добрыя черты. Русскій не можетъ пройти мимо несчастья ближняго понимая подъ ближними каждаго человѣка въ самомъ широкомъ евангельскомъ смыслѣ. Важно то, что у Русскаго чаще наблюдается не сочувствіе, а состраданіе.

Дальнѣйшее проявленіе доброты въ которомъ она проявляется въ дѣлѣ, или активно—это *милосердіе*. Едва ли требуется много доказа-

тельствъ на то, чтобы установить ту мысль, что Русскіе люди добры не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Евангельское требованіе милосердія у Русскихъ славянъ выражается даже вопреки велѣніямъ разума. Достаточно указать на то, что нигдѣ нѣтъ столько нищихъ, какъ въ Россіи. Всѣ знаютъ, что нищенство въ огромномъ большинствѣ выраженіе не бѣдности, а промысла,—и тѣмъ не менѣе очень многіе воздерживаются отъ того, чтобы своими подачками не поддерживать этого «врага бѣдности». Сколько въ Россіи учрежденій проявленія милосердія, при чемъ Русскіе не ограничиваются однимъ этимъ и благотворительствуютъ чѣмъ могутъ направо и налѣво. Милосердіе Русскихъ настолько обычно и распространено, что оно считается дѣломъ повсемѣстнымъ и самымъ заурядным.

Наивысшее проявленіе доброты по отношенію къ ближнему и человѣчеству—это *самопожертвованіе* или принесеніе себя въ жертву за другого, другихъ, или родину. Это чувство настолько присуще натурѣ Русскаго славянина, что частныя доказательства могли бы составить цѣлую монографію. Нужно ли напоминать намъ объ Архипѣ Осиповѣ и сотняхъ героевъ Кавказа [1]) которые жертвовали своею жизнію во славу родины и вѣры Православной. Нужно ли указывать намъ на нашихъ героевъ моряковъ, сознательно животъ свой положившихъ подъ Цусимой и во многихъ другихъ моряхъ. [2]) Послѣднее самопожертвованіе нашего славнаго авіатора Н. П. Нестерова есть только одинъ изъ тысячи случаевъ, на которые всегда готовы сыны Великой Россіи. Но если и этого мало, позвольте указать на исторію Россіи, изъ которой явственно вытекаетъ, что Россія цѣлыя моря крови своихъ сыновъ пролила и милліарды денегъ затратила за счастье и свободу угнетенныхъ и обиженныхъ,– и при томъ все это совершалось ею совершенно безкорыстно. Кто освободилъ Грецію отъ ига турецкаго кровію своихъ сыновъ? Кто спасъ Румынію отъ тѣхъ же турокъ? Сколько сотенъ тысячъ нашихъ братьевъ легло на полѣ брани и сотенъ тысячъ семей осиротѣло для спасенія отъ турецкаго ига торгашеской и нейтрализирующей Болгаріи? Кто спасъ Сербію? Сколько разъ Россія спасала Пруссію отъ полнаго ея уничтоженія? Не австрійскій ли императоръ Францъ Іосифъ цѣловалъ руку нашего императора Николая I за спасеніе его трона отъ венгерскаго засилія? Чьими костями удобренъ путь отъ Москвы до Парижа за избавленіе Европы отъ геніальнаго узурпатора? И все это, повторяю, дѣлалось безкорыстно и еще болѣе знаменательно, о чемъ я буду говорить ниже, безъ похвальбы, хвастовства и горделивости... *Безкорыстіе* Русскихъ рѣзко бросается въ глаза всѣмъ встрѣчающимся съ ними,– и это безкорыстіе проявляется какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ.

Требуются ли болѣе вѣскія доказательства того, что самопожертвованіе есть національная черта Русскихъ славянъ ..

---

1) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Исторія завоеванія Кавказа, 1915 г.
2) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Геройскіе подвиги Русскихъ моряковъ, 1912.

Божественный Учитель принесъ намъ на землю завѣтъ любви, состраданія, милосердія и самопожертвованія и эти святые завѣты воплощены въ славянской Русской націи.

Въ этомъ случаѣ крѣпко подтверждается положеніе: «Человѣкъ таковъ, каковъ его Богъ»..

Вотъ почему, вѣроятно, англичанинъ Берингъ и позволилъ себѣ сказать: «Русскіе гораздо человѣчнѣе и шире, чѣмъ народы всѣхъ европейскихъ и восточныхъ странъ, и, будучи человѣчнѣе, ихъ способность пониманія больше, такъ какъ поразительная быстрота, съ которой они все постигаютъ, идетъ больше отъ сердца чѣмъ изъ головы. Они самый человѣчный отъ природы народъ въ Европѣ, – или выражаясь иначе, *въ Россіи больше доброты и гуманности*, чѣмъ въ какой *бы то ни было странѣ*.

Въ силу этого свойства Русской натуры, положеніе бѣдныхъ людей здѣсь нельзя считать невыносимымъ, потому что отношеніе къ нимъ окружающихъ, до извѣстной степени смягчается добродушіемъ и добротой свойственнымъ Русскому характеру, а не усугубляется врожденной грубостью и жестокостью, которыя мы видимъ въ латинской и другихъ расахъ".

Кн. Вяземскій обращаетъ вниманіе на другое послѣдствіе доброты Русской націи. „Въ силу этихъ особенностей характера, исторически слагается въ Россіи особенно и монархизмъ,--далеко отстоящій за немногими исключеніями отъ того абсолютизма и деспотіи, которые развились на западѣ". Если въ Россіи монархизмъ и проявляется грубо, жестоко, съ великими несправедливостями и деспотизмомъ, то почти всегда виною тому были не монархи, а министры. Вѣдь только со временъ Александра III дворъ и министры стали набираться изъ Русскихъ, а до того нѣмецкая колонизація тѣсно захватила и дворъ, и министерство и высшую бюрократію. А что такое нѣмецъ, мы познали вполнѣ въ 1914 г..

Обратимъ вниманіе на другую сторону доброты.

Доброта и добродушіе есть одинъ изъ видовъ любви. Человѣкъ добрый склоненъ и въ другомъ человѣкѣ видѣть порядочнаго и добраго человѣка,—поэтому доброта ведетъ къ *довѣрію* къ окружающимъ. И дѣйствительно, у Русскихъ довѣріе къ людямъ, съ которыми они имѣютъ дѣло слишкомъ велико. Уроки неудачи не ведутъ ни къ чему и Русскіе являются неисправимыми по гробъ. Продолженіемъ довѣрія является *откровенность*, которая нерѣдко у Русскихъ переходитъ границу благоразумія.

Частыя встрѣчи добрыхъ, откровенныхъ и довѣрчивыхъ людей ведутъ къ *дружбѣ*. Нужно, однако, сознаться, что эта частая дружба бываетъ далеко не всегда прочною и продолжительною.

Къ проявленію доброты слѣдуетъ отнести также *забвеніе обидъ* и *великодушіе*. Великодушіе можетъ проистекать изъ источника большей самомнительности и гордости,—или же, напротивъ, изъ христіанскаго

смиренія. У Русскихъ славянъ великодушіе является плодомъ именно добродушія и смиренія.

Близко къ добротѣ стоятъ также характерныя черты Русской славянской націи—*смиреніе, кротость и незлобіе.* Несомнѣнно проявленіе этихъ качествъ присуще Русскимъ по природѣ, по существу, въ крови націи,—но этому много способствовало также и многовѣковое подчиненіе, гнетъ притѣснителя и рабство. Къ хорошимъ или къ нехорошимъ качествамъ души Русскаго относится также *скромность.* Русскіе не только никогда не проявляютъ бахвальства, хвастовства, заносчивости, гордости, самомнѣнія и эгоизма, — а, напротивъ, обладая всѣми достоинствами, они какъ бы боятся ихъ высказать и рядомъ со скромностью нередко проявляютъ *застѣнчивость* и *стыдливость.* Эти милыя и симпатичныя, чисто дѣтскія качества часто служатъ имъ во вредъ Имѣя въ своемъ составѣ множество инородцевъ, безспорно несравненно глупѣйшихъ и во всѣхъ отношеніяхъ ниже стоящихъ, Русскіе часто, подъ тяготѣніемъ нахальства и дерзости зарвавшихся инородцевъ, не рѣшаются имъ возразить даже въ тѣхъ случаяхъ, когда наносится оскорбленіе ихъ націи, ихъ родинѣ, ихъ религіи, ихъ положенію, ихъ имуществу и т. д.

Посмотрите и на опытъ жизни. Какъ много высшихъ административныхъ мѣстъ занято тупыми, ограниченными и глупыми нѣмцами, вопреки праву достойнѣйшихъ Русскихъ, только потому, что у нихъ много наглости, гибкая спина и заступницы тетеньки... Очень многіе изъ бароновъ по своимъ душевнымъ качествамъ не далеки отъ животныхъ, имя которыхъ созвучно съ ихъ титуломъ,—это, однако, не мѣшаетъ баронамъ чваниться передъ Русскими. И достигли они своимъ пошлымъ чванствомъ того, что ни одинъ порядочный Русскій не пожелалъ бы носить этотъ опозоренный нѣмцами титулъ.

Скромность, застѣнчивость, нерѣшительность и справедливость Русскихъ нерѣдко переходятъ въ преступленіе передъ родиной и націей.

Точно также къ отрицательнымъ качествамъ Русскихъ должно отнести и очень часто встрѣчаемое между ними *всепрощеніе.* При широко развитомъ и примѣняемомъ всепрощеніи мы дали полный просторъ распущенности, разнузданности и преступности.

Несомнѣннымъ крайнимъ и недопустимымъ развитіемъ всепрощенія является *непротивленіе злу.* Хотя это была проповѣдь и великаго человѣка, однако, она нашла себѣ оправданіе у немногихъ даже Русскихъ. Слово геніальнаго писателя очень всполошило иностранную публику, вызвало много толковъ, но едва ли пріобрѣло хотя бы мало послѣдователей.

По мнѣнію Беринга, славянскій типъ является понятіемъ діаметрально противоположнымъ понятію варварства. Славяне *миролюбивы, уступчивы и пластичны.* Русскіе крестьяне менѣе всего отличаются грубостью, но за то Берингъ часто наблюдалъ *мягкость* и *доброту* Русскаго народа.

Нельзя не отмѣтить также и Русской *нестяжательности* въ матеріальномъ отношеніи. Склонность къ хозяйственности и чувство собственности, съ уничтоженіемъ рабства, у Русскихъ рѣзко стало выдѣляться; но при этомъ никакъ нельзя замѣтить въ нихъ алчности, склонности къ захвату и особеннаго стремленія завладѣть возможно большимъ. Склонность къ пріобрѣтенію есть, но въ предѣлахъ умѣренности.

Второю основною чертою Русскаго славянскаго характера является *прямота, честность, прямодушіе искренность и чистота*. „Болѣе всего замѣтно въ Русскомъ *отсутствіе лицемѣрія*. Русскій человѣкъ нисколько не стѣсняется признаться въ томъ, чего стыдятся въ другихъ странахъ. Такое явленіе объясняется тѣмъ что всѣ видѣли его недостатки,—да и самъ онъ не безгрѣшенъ. Поэтому онъ открыто исповѣдуетъ свои грѣхи. Поражающая насъ *снисходительность* Русскихъ вытекаетъ именно изъ этой безконечной способности къ пониманію. Отсутствіе лицемѣрія дѣлаетъ Русскихъ нетерпимыми по отношенію ко всякой условности и ко всякому притворству".

Если и можно иногда замѣтить нѣкоторую *изворотливость*, то это скорѣе у великороссовъ—но ни какъ не у малороссовъ, у которыхъ составилось о себѣ такое мнѣніе, что хохолъ „ни цобъ, ни цаба", т. е. ни на право, ни на лѣво, а неуклонно прямо. Точно также и честность въ Малороссіи чрезвычайно рѣзко выращена. Очень долго малороссы не могли понять значенія векселя, записки и росписки,—но евреи успѣли и въ этомъ ихъ просвѣтить. Запорожцы исповѣдывали такую честность, что они считали за грѣхъ обманывать даже черта".

Жалость и излишняя снисходительность нерѣдко является для націи далеко не полезными и не желательными. Они являются нерѣдко причиною *распущенности, непониманія необходимости самодисциплины* и непризнаніи условныхъ правилъ и преразсудковъ, которые создаютъ силу и имѣютъ тоже значеніе, что цементъ для зданія... Оно ведетъ къ неисполненію гражданскаго долга, нарушенію правъ и обязанностей, произволу и сознанію безнаказанности. Единственнымъ спасеніемъ и выходомъ изъ этого грустнаго положенія является то, что на ряду съ этой распущенностью у Русскихъ существуютъ *необыкновенныя способности, упорство* и *добросовестность*, возстановляющія равновѣсіе. На ряду со Стесселями являются Суворовы, Кондратенки, Скобелевы, Ивановы, Рузскіе, Радко Дмитріевы и проч. „Быть можетъ это смѣшеніе свойствъ, это смѣшеніе мягкости, распущенности и беззаботности съ безконечной выносливостью, вдохновенной энергіей и безграничнымъ терпѣніемъ передъ лицомъ препятствій, кажущихся непреодолимыми,—и дѣлаютъ Русскій характеръ столь труднымъ для пониманія.

Нерѣдко со снисходительностью стоитъ рядомъ *безпечность*. Съ другой стороны, по Берингу, распущенность, безпорядочность, взяточничество безотвѣтственность и произволъ администраціи въ частной жизни приводятъ въ результатѣ лучшаго рода: жалость, человѣчность, гостепріимство и отсутствіи эгоизма" (Берингъ).

Еще предки славянъ—скифы и сарматы, проявляли *воинственность, отвагу, смѣлость, храбрость, неустрашимость и неотразимость*. Но эти черты проявлялись не съ алчною цѣлію, не для грабежа, а просто изъ удали, молодечества, прирожденной отваги и рыцарства. Таковы были скифы и сарматы. Такими были славяне и запорожцы. Такими остались Русскіе и до нынѣ. „Не для добычи и не для власти стремятся они къ завоеванію,—говорилъ Хомяковъ.[1] Не требуютъ они ни золота, ни земли, ни рабовъ. Власть ихъ кротка,—оброки легки. Они ищутъ побѣды не для плодовъ ея, а для того, чтобы побѣжденные признали ихъ превосходство въ бояхъ. И эту жажду славы, рыцарскую, безкорыстную встрѣчали мы при самыхъ первыхъ началахъ исторіи въ племени, котораго грубые нравы не озарились еще ни слабѣйшимъ лучомъ просвѣщенія".

Сознавая свою силу и мощь, наши предки славяне не пользовались внезапностью, хитрыми подходами и безстыдными оговорками, а шли на врага открыто, предваряя его: „иду на вы"... Высокое внутреннее *благородство* присуще этой націи.

При этой силѣ и мощи и имѣя плоды своихъ славныхъ побѣдъ, Русскіе никогда не кичились своими доблестями Не только хвастовства и бахвальства у нихъ никогда не было,—но даже они не позволяли себѣ выставлять успѣхи своихъ побѣдъ. Совершая величайшіе подвиги храбрости и самопожертвованія, они никогда не требовали награды или отличія. Они не видѣли въ своихъ подвигахъ чего либо особеннаго, а кротко и смирно совершали его, какъ нѣчто должное для Родины и Царя. Сколько случаевъ *удали, молодечества геройства* въ Русскихъ бояхъ... И никто изъ этихъ удальцевъ не думалъ, что онъ удалецъ и герой. Думали ли о своемъ подвигѣ Крючковъ, когда убивалъ одинадцать нѣмцевъ, или казакъ Дьяковъ. приведшій въ плѣнъ трехъ нѣмецкихъ офицерсвъ, 19 нижнихъ чиновъ и 32 лошади...

Они узнали о своемъ геройствѣ только тогда, когда имъ другіе сказали, что они герои. Въ томъ то и величіе Русской славянской націи, что она совершаетъ геройскіе подвиги и не считаетъ ихъ геройскими. Ибо это ихъ геройство они считаютъ чѣмъ то обыкновеннымъ для Русскихъ. Вспомнимъ подвиги Дубасова, Скрыдлова Ниловаи др. моряковъ. Развѣ это не герои. А развѣ не каждый молодой морякъ готовъ на этотъ подвигъ!.. Всѣ они одинаковы и не гордятся своими подвигами. Ибо эти подвиги всѣмъ имъ свойственны. Случай выпалъ сегодня мнѣ—я герой,—а завтра другому—онъ герой. И гордиться нѣчемъ Что сдѣлалъ онъ, то сдѣлаю и я,—и что сдѣлалъ я, то сдѣлаетъ и онъ,—а можетъ быть онъ сдѣлаетъ еще лучше... Это нація героевъ,—поголовно героевъ,—а потому она и не гордится своими подвигами... За это и не любятъ иностранцы Русскихъ, потому что Русская нація—нація Великая, нація героевъ.

---

[1]) Хомяковъ Сочиненія, т I, стр 77.

Воинственность присуща Русской націи, но они пользуются этимъ своимъ свойствомъ только въ силу необходимости.

Русская нація—*рыцарская нація*,—только ея рыцарство не показное и не для показа, а внутреннее, духовное. Не для награды изъ рукъ красавицы они совершаютъ свои рыцарскіе подвиги и не для вознагражденія проявляетъ свое рыцарство эта великая рыцарская нація. Ея вознагражденіе въ сознаніи содѣяннаго дѣла во имя защиты униженнаго и оскорбленнаго и во имя наказанія наглеца и звѣря...

Вступая въ бой, не о смерти думаютъ Русскіе, а о побѣдѣ,—а достанется ли слава и честь побѣды имъ живымъ, или мертвымъ,—это все равно. Съ *полнымъ презрѣніемъ они относятся къ мысли о смерти*. Съ того момента, какъ Русскій военный надѣлъ свой рыцарскій мундиръ, онъ принадлежитъ не себѣ, а Родинѣ. Онъ умеръ для себя и живетъ славою и честью своей націи.

Третья основная черта Русскаго славянства, отмѣченная какъ иностранными, такъ и Русскими писателями—это *слабость воли*. Эта черта однако представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значительный поводъ къ недоумѣнію и неразумѣнію Русской націи, ибо рядомъ съ этимъ ясно утверждается, что Русскіе славяне отличаются *упорствомъ* и *настойчивостью*. Какъ же такъ слабость воли и настойчивость и при томъ упрямая, неуклонная настойчивость? Что такое воля? Двѣ великія силы царятъ въ нашемъ сознаніи: разсудокъ и чувство. Первый представляетъ доводъ за полезность или вредъ того или другого предстоящаго дѣйствія—второй—его пріятность, или непріятность, симпатію, или антипатію. Бываютъ случаи, что оба въ своемъ выводѣ совпадаютъ, – но бываютъ случаи когда они коренно расходятся. Бываютъ случаи, когда рѣшеніе „должно совпадать съ рѣшеніемъ „хочу".—но бываютъ случаи, когда „хочу" и должно расходятся между собою. Тогда начинается борьба между выводами разума и тяготѣніемъ чувства—и окончательный выводъ, рѣшеніе, поступаетъ то въ одну, то въ другую сторону. Вотъ это то избраніе окончательнаго исполненія и есть воля. Такимъ образомъ *воля есть діагональ между этими двумя душевными силами: мышленіемъ и чувствомъ или страстію* [1]).

Въ Русской славянской націи, въ общемъ теченіи ея жизни, несомненно, преобладаютъ добрыя чувства. Но силенъ у нея и разсудокъ. И вотъ въ этой великой борьбѣ на окончательное воздѣйствіе добраго чувства очень сильно тормозяще дѣйствуетъ разсудокъ. Чувство уже давно стоитъ на сторонѣ дѣйствія но разсудокъ долго долго тормозитъ это приведеніе въ исполненіе. Вотъ этотъ то окончательный, конечный моментъ *рѣшимости* и является замедленнымъ и заторможеннымъ. Такимъ образомъ, у Русскихъ славянъ очень часто проявляется *нерѣшительность*, *колебаніе* въ проведеніи въ исполненіе. Но разъ Русскій рѣшилъ, онъ ведетъ дѣло твердо, долго, неукоснительно и

---

[1]) Проф. П И. Ковалевскій Душевныя болѣзни, т. I, стр. 19.

доводитъ его до конца. Въ своихъ предпріятіяхъ, если они серьезны, славянинъ проявляетъ великое *трудолюбіе*, *неутомимость* въ работѣ напр. въ страдную пору, при чемъ не признаетъ ни *усталости*, ни *утомленія*. Въ потребностяхъ жизни Русскіе проявляютъ высокой степени *выносливость терпѣливость* съ полнымъ *пренебреженіемъ* относясь *ко всякимъ лишеніямъ*, *потребность* и *удобства жизни* въ дѣлѣ совершенно забываются. Чего неспособенъ нашъ солдатъ вынести въ войну... Голодъ и жажда холодъ и зной—все это для Русскаго пустяки, вполнѣ удобопереносимыя. И это не удивительно,—ибо Русскій обладатель Россійской Имперіи, въ которой вы встрѣтите всѣ климаты и всѣ удобства и неудобства жизни. Выходитъ, у Русскихъ не воля слаба а рѣшимость слаба —а воли унего достаточно. Достаточно и выдержки. Такъ славянинъ дѣйствуетъ во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ. Иной онъ въ несерьезныхъ дѣлахъ. Тутъ они часто бываетъ *измѣнчивъ* и *неустойчивъ*.

Въ виду преобладанія чувственной стороны у Русскихъ, должно имѣть въ виду, что чувственность вообще неустойчива и очень подвижна. Нервная возбудимость этихъ людей очень измѣнчива. Часто проявляется даже *страстность* и *легкая возбудимость*. Поэтому въ обычной жизни славянъ мы легко наблюдаемъ *быструю увлекательность проявленія подвижность*, измѣнчивость и неустойчивость. При общности проявленія этого чувства въ славянахъ можно наблюдать проявленіе быстрыхъ симпатій и антипатій, дружбы, вражды сварливости и склонности къ быстро возникающей ссорѣ и перепалкѣ. Но какъ восторженные порывы такъ и проявленіе ссоры обыкновенно непродолжительно, быстро прекращаются и, при общемъ незлобіи скоро забываютъ, и сегодняшніе пѣтухи на завтра друзья. Эти чувства симпатіи и антипатіи бываютъ обычно не глубоки и служатъ только проявленіемъ обычнаго добраго и благодушнаго тона жизни.

Эти быстрыя сильныя проявленія симпатій и антипатій у Русскихъ ведутъ къ тому, что у нихъ не замѣчается продолжительнаго *озлобленій*, а особенно чуждо Русскимъ проявленіе мести. *Мстительность* въ славянскомъ народѣ—является очень рѣдко и не часто служитъ предметомъ судебнаго разбирательства. За то славянамъ просуща *вспыльчивость*, *усиленная раздражительность*, *недостатокъ сдержанности* и *запальчивость*. Всѣ это явленія очень кратковременны, скоро проходятъ, почти всегда вызываютъ раскаяніе и стремленіе къ изниненію и заглаживанію своей вины.

Бываютъ, однако, случаи, когда славяне, доведенные до высокой степени раздраженія длительною несправедливостью, гнетомъ и притѣсненіемъ, выходятъ изъ себя, озлобляются и жестоко отплачиваютъ, являясь *безпощадными*. Мало того, такое душевное явленіе можетъ быть массовымъ, какъ напр. въ отечественную войну. Но для такого состоянія требуется очень много и очень сильное оскорбленіе самыхъ дорогихъ чувствъ славянъ къ рѣшимости.

Недостатокъ волевой рѣшимости у Русскихъ легко находитъ себѣ объясненіе въ томъ многовѣковомъ, рабствѣ которое многоразлично

пришлось переживать славянской націи. Только очень очень недавно народъ получилъ равноправіе и право своего голоса, но даже эти десять лѣтъ человѣческаго бытія его дали себя знать и поставили его на положеніе сознательной и покойной рѣшимости, что показала наша послѣдняя война съ нѣмецкими варварами.

Быстрая смѣна настроеній легко порождаетъ у Русскихъ *легкомыслие* и *порывистость* —къ счастію, онѣ въ большинствѣ благодушнаго свойства. Рядомъ съ этимъ нерѣдко проявляется *молодечество* и *удаль*. И нигдѣ молодечество и удаль не выражаются въ такой сильной и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичной формѣ, какъ у Русскихъ. Жизнь удальца при этомъ не ставится ни во что. Это мы наблюдаемъ особенно часто во время войны; но не рѣдки эти случаи и въ мирное время. Насколько удаль и молодечество присущи Русской натурѣ вообще, а не отдѣльнымъ лицамъ, доказываютъ Мессинскіе подвиги Русскихъ моряковъ. Тамъ дѣйствовали не одни Русскіе моряки, но и французы, и англичане и итальянцы,—но никто изъ другихъ народовъ не отдавался столь безграничному увлеченію спасенія несчастныхъ, какъ Русскіе. И это не отдѣльныя лица изъ Русскихъ, а всѣ бывшіе тамъ офицеры, гардемарины и нижніе чины. Ждали ли они за это награды и отличія? Ничуть. Только одно доброе сердце и лихая удаль побуждали ихъ забывать и о своей цѣлости, и о своемъ благополучіи, и о своей жизни.

Вмѣстѣ съ этимъ состояніемъ душевной дѣтской простоты, и безкорыстной удали славяне проявляютъ особенное чувство *національной гордости* своей безкорыстностью и самопожертвованіемъ. Они стоятъ выше всякой благодарности и всякой отплаты и горды сознаніемъ величія содѣяннаго. На этой почвѣ, подъ вліяніемъ пьянства и неосмысленной свободы, точнѣе—разнузданности и распущенности, развилось весьма несимпатичное и вредное жизненное явленіе—это хулиганство. Опыты военнаго времени и прекращеніе продажи спиртныхъ напитковъ довели проявленіе хулиганства почти до нуля и тѣмъ самымъ показали, что хулиганство—явленіе наносное, не глубокое и легко искоренимое.

Но большинство послѣднихъ особенностей Русской націи имѣютъ второстепенное значеніе и легко измѣнимы подъ вліяніемъ измѣнившихся жизненныхъ условій —на что указываетъ быстрое паденіе хулиганства. Всѣ эти явленія исчезли бы и еще быстрѣе, если бы въ нашемъ обществѣ не было основныхъ началъ, противоборствующихъ введенію въ народѣ тѣхъ высшихъ преобразованій, которыя намѣчены и обѣщаны нашимъ Великимъ Императоромъ. Безъ свободы не можетъ быть ни яснаго сознанія, ни разумнаго дѣйствія и правильной человѣческой жизни.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Русскій народъ можетъ проявить *чрезвычайное напряженіе силъ и энергіи*. По своей напряженности это поднятіе энергіи можетъ превышать всякую возможность, свойственную вообще европейцу,—но это напряженіе длится недолго и затѣмъ можетъ наступить упадокъ. Это свойство присуще и галльской націи (Фуллье), но въ галлахъ оно выражается съ меньшимъ напряже-

ніемъ и не можетъ длиться столь долго, какъ у славянъ. Такимъ образомъ, у Русскихъ славянъ наблюдается въ дѣйствіяхъ какая-то порывистость, непослѣдовательность и склонности къ вспышкамъ. Очень выступаетъ также склонность Русскихъ обществъ къ горячей вспышкѣ въ началѣ дѣла, а затѣмъ наступаетъ постепенное охлажденіе и упадокъ различныхъ обществъ. Въ основѣ такой несостоятельности различныхъ обществъ лежитъ скорѣе всего та рознь, которая особенно рѣзко выражается у всѣхъ славянъ. Несомнѣнно, однако, что къ постоянной, усидчивой, систематической дѣятельности Русскіе еще не привыкли.

Не лишены Русскіе и грустныхъ качествъ.

Тысячелѣтнее рабство во времена Кіевской Руси, удѣльнаго княженія, татарскаго ига, крѣпостного права и бюрократическаго гнета убило въ народѣ сознаніе собственнаго достоинства и поселило чувство недовѣрія къ себѣ, отсутствіе начинанія, заботы о будущемъ, безразличіе къ настоящему, отсутствіе интереса и уваженія къ собственности и проч. На этомъ выросли неуваженіе въ человѣкѣ человѣка, отсутствіе сознанія долга, чувства собственности, лѣнь, недобросовѣстное исполненіе работы, отсутствіе чувства обиды, самолюбія, оскорбленія личности какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ,—а также заискиваніе, лесть, обманъ, лживость и самоуниженіе,—а главное ссору, свару и вражду между собою. Послѣднее качество, впрочемъ, является для славянъ прирожденнымъ.

Изъ второстепенныхъ качествъ Русской славянской націи поражаетъ удивительная его *приспособляемость* или пластичность, какъ умственная, такъ и характера. Берингъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Русская натура пластична: Русскій можетъ понять все. Можно формировать его, какъ угодно. Онъ, какъ сырая глина, податливъ и мягокъ. Онъ пассивенъ. Онъ опускаетъ голову и подчиняется волѣ судьбы и провидѣнія Но въ то же время было бы большой ошибкой думать, что все это признаніе слабости. Есть извѣстное *упорство* въ Русскомъ характерѣ, *непобѣдимая настойчивость*, которая замѣняетъ силу,—иначе Русское государство не существовало бы.. Русскіе отличаются удивительнымъ богатствомъ умственной жизни. Они необычайно легко приспособляются къ самымъ новымъ и неожиданнымъ для нихъ обстоятельствамъ“.

Равноправіе. Въ связи со славянскимъ свободолюбіемъ почемуто нынѣ ставятъ требованіе о равноправіи всѣхъ членовъ нашей семьи на пиру жизни. Посмотримъ, насколько это равноправіе находитъ себѣ оправданіе.

Чѣмъ больше человѣчество просвѣщается и чѣмъ больше проникаетъ въ него цивилизація, тѣмъ больше и больше отъ низшихъ классовъ населенія предъявляется требованіе на равенство положенія въ государствѣ. Это требованіе совершенно правильно и естественно. Всѣ люди—люди и всѣ люди, равные предъ Богомъ, имѣютъ право быть равными и передъ закономъ и на мѣсто въ общественномъ положеніи.

---

[1]) Проф. П. И. Ковалевскій Русскій національнизмъ, 1912 г., стр. 288.

Но это требованіе на право равенства должно имѣть свой предѣлъ и свои основанія, обезпечиваемая личными достоинствами и личными заслугами даннаго лица. Нашимъ несчастнымъ рабочимъ вбиваютъ въ голову, что они обойдены государствомъ и что правящіе и стоящіе во главѣ общества ихъ обсчитываютъ и обираютъ. Они, каторжные труженики, являются рабами и получаютъ гроши,—тогда какъ высшее сословіе получаетъ сотни и тысячи. Они работаютъ на культуру, а высшія сословія пользуются этой культурой. Гдѣ же тутъ равенство?

Но прежде всего неравенство лежитъ въ самой природѣ. Овому убо дадеся пять талантовъ, овому два,—а овому и ни одного... И это не слова только, а сама жизнь. Одинъ геній, другой талантъ, третій средній человѣкъ, а четвертый идіотъ... Какое же они имѣютъ право предъявлять равныя требованія на пиру жизни... Одинъ работаетъ, неустанно работаетъ съ молодыхъ лѣтъ и до гробовой доски, непокладая рукъ, не зная что такое жизнь и ея наслажденія,—а другой заканчиваетъ курсъ на 3-мъ классѣ гимназіи и лодырничаетъ всю жизнь,—какимъ же образомъ они могутъ пользоваться равными правами въ жизни.

Но этого мало. Равныя права предполагаютъ и равныя основанія для правъ. Самое воспитаніе должно поставить такъ, чтобы все подростающее поколѣніе являлось равноправнымъ по своимъ дарованіямъ. Между тѣмъ есть дѣти весьма способные, есть дѣти средніе и есть дѣти отсталые. Какимъ же образомъ мы можемъ достигнуть равенства физическихъ правъ или дарованій. Только однимъ: понизивъ дарованія весьма способныхъ и среднихъ до уровня отсталыхъ.

„Поднять интеллектуальный уровень послѣдняго изъ крестьянъ до генія Лавуазье невозможно. Чтобы равенство царствовало въ мірѣ нужно было бы понижать мало-по-малу все, что составляло цѣнность извѣстной расы, до уровня того, что въ ней есть самаго низкаго... Легко уничтожить геніевъ, но нельзя ихъ замѣнить“ (Лебонь) [1]).

Равенство царитъ въ націяхъ только до тѣхъ поръ, пока нація стоитъ на низкой степени умственнаго развитія,—но по мѣрѣ просвѣщенія, цивилизаціи и культуры, нація невольно распадается на слои и создаетъ различные уровни отдѣльныхъ обществъ въ націи. Неизбѣжный результатъ цивилизаціи—раздѣленіе общества на сословія и обособленіе. Сама жизнь ведетъ не къ равенству, а къ разности.

Республиканскія учрежденія и проявляютъ именно единственный недостатокъ дѣйствительно для мечтателей объ абсолютномъ равенствѣ, что они способствуютъ образованію могущественныхъ умственныхъ аристократій; напротивъ, цезаризмъ можетъ только легко привести къ равенству въ низости, къ покорности въ рабствѣ“. (Лебонь).

Общій выводъ можно сдѣлать такой: *каждый человѣкъ*, какъ существо высшее въ лѣстницѣ живыхъ существъ природы, *имѣетъ право наравенство, на степень использованія этого права, обуславливая его личными качествами, и стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ ихъ цѣнностью.*

---

[1]) Лебонь. Психологія народовъ. 1896 г.

Поэтому едва ли другія націи сравняются съ Русскими въ пониманіи другихъ націй.

Богатство умственной жизни присуще не только Русской интеллигенціи, но и крестьянству, при чемъ послѣдніе способны на самый разнообразный трудъ.

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ и наши ученые. Между иностранными учеными сплошь и рядомъ наблюдается такое положеніе: одинъ выскажетъ свое положеніе, или теорію и никакъ не можетъ ни уступить ее, ни отступить отъ нея. Другой высказываетъ—другое и опять-таки стоитъ на немъ напоколебимо. Иначе поступаетъ Русскій. Онъ тщательно изучитъ и обсудитъ и одно и другое,—заберетъ у каждаго то, что имѣетъ смыслъ и значеніе, и найдетъ выходъ, который является примиреніемъ непримиримаго. Такая объединительная способность несомнѣнно составляетъ особенность именно Русскихъ національныхъ дарованій.

Нельзя не указать на особенную склонность Русскихъ славянъ къ *самокритикѣ* и *самоосужденію*. Преклоняясь передъ чужеземными авторитетами, Русскіе свои произведенія подвергаютъ самой строгой и безпощадной критикѣ. Но если бы критикѣ, то это было бы очень хорошо. Критика есть тщательное изученіе творенія съ цѣлью указанія его достоинствъ и недостатковъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу кто же изъ авторовъ не выскажетъ благодарности критику. Кто же не радъ будетъ указанію недостатковъ его творенія, чтобы ихъ исправить и поставить на большую высоту ихъ достоинства и цѣнности. Но это не критика, а злое и злостное осужденіе и униженіе всего добраго у насъ и хорошаго. Это было оплеваніе своего, родного. И такое самооплеваніе касалось не только твореній,—но и лицъ...

Такъ было. Но такъ и продолжается. Только по другимъ формамъ. Нынѣ въ Русскую интеллигенцію забралось много инородцевъ. И вотъ эти инородцы, почти всегда стоящіе ниже Русскихъ и часто едва достойные имени интеллигента, позволяли съ великою злобою обливать помоями все то доброе, все то хорошее,—что не подходило подъ шаблонъ сепаратизма. Не меньшее зло причинила также и политическая партійность, при чемъ въ этомъ случаѣ и Русскіе внесли свою грязную лепту, состоя у инородцевъ или на откупу, или на побѣгушкахъ. Быть можетъ настоящая война образумитъ и этихъ нищихъ духомъ.

Рѣзко выдѣляется также славянская черта *преклоненія передъ всѣмъ иноземнымъ*. Уже Крижаничъ оттѣнилъ эту склонность славянъ ко всему иностранному и считалъ ее источникомъ многихъ бѣдствій. Онъ назвалъ эту склонность чужебѣсіемъ и находитъ „избытно бѣшено вѣрованіе къ инородникамъ“. Мы сами виноваты во многомъ. Прежніе рабы (рабъ не тотъ, кто служилъ рабомъ, но и тотъ, кто владѣлъ рабами) и отсталые въ знаніяхъ, наши предки не могли не преклониться передъ научнымъ величіемъ запада. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стыдились своего рабства и невѣжества. За тѣмъ такъ это преклоненіе и осталось, хотя въ самой Россіи явились авторитеты, передъ которыми

преклонялась Европа. Но привычка и многовѣковое рабство брали свое и только въ послѣднее время мало-по-малу мы стали освобождаться отъ этого тяготѣнія намъ нами нѣмецкаго засилія. Быть можетъ послѣдняя война отрезвитъ и насъ.

Не всѣ, однако, *самоумаленіе* считаютъ великимъ недостаткомъ и даже порокомъ. Вотъ что говоритъ В. Бѣлинскій [1]: „Высокою способностью самоотрицанія обладаютъ только великіе люди и великіе народы,—и ею то Русское племя возвысилось надъ всѣми славянскими племенами". «Мы не отвергаемъ способность самоотчужденія, любимъ ее и признаемъ ее за лучшую сторону Русской природы,—за ея особенности, за то, что ее на западѣ нѣтъ. Сознавая силу и мощь, у насъ нѣтъ *щепетильности* и *обидчивости*. Мы вѣруемъ въ силу Русскаго народа не менѣе, чѣмъ кто бы то ни было. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Русскомъ человѣкѣ видна самая пылкая способность самой здоровой надъ собой критики, самаго трезваго на себя взгляда и отсутствія всякаго *самовозвышенія*, вредящаго свободѣ дѣйствій». (Достоевскій) [2].

Часто Русскіе какъ бы стѣняются и съ одной стороны держали себя слишкомъ сдержанно и принижено,—а съ другой боятся показаться ниже, чѣмъ они есть. Это вынуждаетъ ихъ казаться иными, толкаетъ на лесть и заставляетъ молчать, когда ему говорятъ не лестныя слова о немъ и даже о его родинѣ. Замѣчательно еще одно. Во Франціи, Англіи и проч. каждый спеціалистъ гордится тѣмъ, что спеціалистъ и царь своего дѣла. Не то въ Россіи. Русскій спеціалистъ стыдится этого. Онъ боится, чтобы его не признали человѣкомъ узкимъ и необразованнымъ и спѣшитъ заявить себя всезнайкой. Поэтому вы въ Россіи найдете очень много людей съ широкимъ образованіемъ,—но съ поверхностнымъ знаніемъ. Къ сожалѣнію сама система воспитанія и образованія въ Россіи является выразителемъ этой поверхностности и всезнайства.

Русскій во внѣшности *приличенъ* и *простъ*, чистоплотенъ, часто небреженъ, рѣдко неряшливъ, врагъ нѣмецкой прилизанности и далекъ отъ французскаго франтовства. Въ отношеніяхъ съ людьми *вѣжливъ* и *предупредителенъ*,—но далекъ отъ нѣмецкаго высокомѣрія и французской изысканности. По отношенію къ *старшимъ*, всѣ славяне выражаютъ *почтеніе* и *уваженіе*. Онѣ нѣсколько угловаты, не всегда *общительны*, но безъ хитрости и подвоха. Русскій представитель порядочности, безъ хвастовства,—врагъ всего нечистаго и открыто относится съ презрѣніемъ ко лжи и заискиванію. Въ немъ вы не замѣтите гордости и самомнѣнія. Нерѣдкость нерадѣніе, изрѣдка невѣжливость и невѣжество. Никогда не встрѣтите тяготѣнія, надменности и стремленія къ апрессивности,—онъ скорѣе склоненъ къ подчиненію, а не къ захвату. Встрѣчаются люди съ возвышенными чувствами и стремленіями, совершенно не замѣчая въ нихъ ничего возвышеннаго. При встрѣчѣ

---

[1]) В. Бѣлинскій. Собр. соч., т. II, стр. 704.
[2]) Достоевскій. Дневникъ писателя.

съ неизбѣжнымъ онъ идетъ покойно на встрѣчу безъ растерянности и волненія. Тоска и уныніе встрѣчаются, но больше на сѣверѣ и западѣ.

Нужно упомянуть еще объ одномъ цѣнномъ нравственномъ свойствѣ славянъ,—это объ ихъ *цѣломудріи*. Русскіе ни въ литературѣ, ни въ живописи, ни въ скульптурѣ не имѣютъ особеннаго влеченія къ пошлости, разнузданности и порнографіи. Если первое десятилѣтіе XX в. и дало въ Россіи порнографическую плеяду писателей,—то прежде всего творенія этихъ писателей заслужили полнаго презрѣнія со стороны всего порядочнаго Русскаго общества. Повидимому, это вліяніе является частичнымъ проявленіемъ той общей разнузданности, которая наступила въ Россіи послѣ 1905 г., какъ реакція на тяжкій бюрократическій гнетъ, царившій до этого времени въ Россіи. Въ существѣ же своемъ славяне цѣломудренны и высоконравственны. Мы имѣли въ своей исторіи цѣлую громаду запорожцевъ, которые основнымъ положеніемъ своего бытія имѣли—недопущеніе женщинъ въ свою Сѣчь. О нѣкоторыхъ запорожцахъ говорятъ, что они такъ были далеки отъ женщины, что не могли отличить „дівчіны отъ цапли“ (журавля). Если это была и крайность, то крайность, указывающая на значительно высокій нравственный уровень средины.

Учрежденія и творчество. Государственный строй націи тогда только можетъ быть прочнымъ, если онъ соотвѣтствуетъ національнымъ свойствамъ данной націи. Государственный строй Россіи — Самодержавная монархія и этотъ строй вытекаетъ непосредственно изъ національныхъ свойствъ народа. *Самодержавіе*—есть національный строй Россіи.

Государственное самодержавіе въ томъ видѣ, какъ оно утвердилось въ Россіи, возможно только у Православныхъ народовъ и немыслимо во всей полнотѣ у католиковъ, ибо у послѣднихъ оно сталкивается съ церковнымъ самодержавіемъ Римскихъ папъ, верховная власть которыхъ, по религіознымъ вѣрованіямъ католиковъ, выше всѣхъ земныхъ властей. Кромѣ того самодержавная власть въ Россіи вытекаетъ прямо изъ характера національныхъ свойствъ Русскаго народа,—изъ органической неспособности славянъ къ объединенію самихъ въ себѣ и самоуправленію,— оно является естественнымъ послѣдствіемъ и исходомъ изъ печальнаго національнаго бытія и существованія. Самодержавіе въ Россіи является органическою національною потребностью, безъ которой Россія существовать не можетъ до поры до времени. Въ Русскомъ Самодержавіи зиждется нынѣ цѣлость, крѣпость, мощь и величіе Россіи. (П. И. Ковалевскій [1]).

Любовь и преданность Русскаго народа къ Царю сливается съ любовью его къ родинѣ и сказать, чтобы гдѣ нибудь являлась разграниченная черта для этихъ двухъ великихъ началъ—едва ли возможно.

Не менѣе любовно и преданно Русскій народъ относится и къ своей Православной религіи, ибо эта *религія* является національною религіей. Религіозныя вѣрованія составляли и составляютъ самый важный эле-

[1]) Проф П. И. Ковалевскій. Русскій націонализмъ, 1912.

ментъ въ жизни народовъ и въ ихъ судьбахъ. Безспорно вѣрно, что „изъ измѣненій религіозныхъ вѣрованій непосредственно вытекало большинство историческихъ событій“ (Лебонъ).

Нашъ Божественный Учитель принесъ намъ на землю любовь, милосердіе, состраданіе и самопожертвованіе. Каждый народъ пріемлетъ ту религію, которая отвѣчаетъ качествамъ его души. Русская славянская нація мягка, нѣжна, сантиментальна, съ возвышенными чувствами и благородными мыслями. исполнена любви, милосердія, состраданія и саможертвованія. Она является Православною христіанскою націей не потому, что приняла греческое христіанство, а потому что она въ душѣ христіанка. Православная христіанская религія въ Россіи является господствующею не потому, что она исповѣдуется Русской націей, а потому что онъ является національною по духу Русской державной націи (П. И. Ковалевскій [2]).

Наука. „Наука, конечно, вѣчна и незыблема для всѣхъ и каждаго въ основныхъ законахъ своихъ, говоритъ Ѳ. М. Достоевскій [3]),—но прививка ея зависитъ отъ національныхъ особенностей, т. е. отъ почвы и народнаго характера... Изъ Русскаго человѣка цивилизація не могла сдѣлать нѣмца, и Русскій человѣкъ остался все-таки Русскимъ... Знаніе не перерождаетъ человѣка,—оно только измѣняетъ, но измѣняетъ не въ одну всеобщую, казенную форму, а сообразно на турѣ человѣка. Оно не сдѣлаетъ Русскаго не Русскимъ. Вся нація, конечно, скорѣе скажетъ свое новое слово въ націи и жизни, чѣмъ маленькая кучка, составляющая до сихъ поръ наше общество“.

Наука, несомнѣнно вліяетъ на націю, давая ей знаніе, расширяя умственный кругозоръ, способствуя использованію ея богатствъ,—но душа націи отъ научныхъ знаній мало и слабо измѣняется. Большее вліяніе оказываетъ нація на науку. Прежде всего одни націи имѣютъ склонность, тяготѣніе и дарованія къ одной отрасли наукъ, другія—къ другой. Соотвѣтственно тому, націи вносятъ въ излюбленныя свои научныя области нѣчто свое личное, оттѣняющее въ наукѣ духъ націи. Такъ, техника и механика разработаны почти исключительно англичанами и американцами. Много, очень много работали въ этомъ отношеніи нѣмцы, но ихъ умъ не создалъ ничего. Это только высиженные ремесленники и подражатели, безъ иниціативы, безъ генія, безъ творчества. Французы математики. Нѣмцы-философы и при томъ слишкомъ туманные. Русскіе? Русскіе имѣютъ славныя имена во всѣхъ областяхъ науки,—ихъ изобрѣтательность и находчивость доказаны. Ихъ научныя работы только начинаются. Но они успѣли уже дать во всѣхъ спеціальностяхъ работниковъ, украшающихъ звѣздное небо науки. Принимая во вниманіе общечеловѣческое направленіе Русскаго славянскаго духа, можно думать, что Русская наука не замкнется въ рамки спеціальности, а она дастъ цѣлый рядъ геніевъ во всѣхъ областяхъ науки.

Быть можетъ одна философія, да и то понимаемая въ смыслѣ германскаго тумана, въ Россіи нѣсколько отстаетъ, такъ какъ Русскій

2) Проф. П. И Ковалевскій. Исторія Россіи съ національной точки зрѣнія.
3) Ѳ. М. Достоевскій. Сочиненія, т. IX, 17.

умъ отличается ясностью, точностью, опредѣленностью и выкристализованностью и не способенъ творить ничего неопредѣленнаго. Дарвинъ, Бокль и др. натурфилософы одно время пользовались необыкновенною симпатіей Русскаго общества. Можно съ увѣренностью сказать, что едва ли въ самой Англіи ихъ знали такъ досконально, какъ въ Россіи. Всѣми этими знаніями мы были обязаны необыкновенно яснымъ и образнымъ натурфилософскимъ статьямъ Д. И. Писарева.

Въ своихъ твореніяхъ Писаревъ не только популяризировалъ Дарвина, но нерѣдко шелъ дальше его. Здѣсь оказался Русскій славянскій умъ, умъ высоко синтетическій, тогда какъ англійскій умъ можно назвать высоко аналитическимъ. Та и другая особенность весьма важны для націи: первая въ моментъ изученія, а вторая въ моментъ обобщенія уже изученнаго. Это второе качество особенно присуще Русской славянской натурѣ.

Русская наука во всѣхъ отрасляхъ знаній имѣетъ имена, пріобрѣвшія міровую извѣстность. Гдѣ та образованная школа за границей, которая не знаетъ именъ Лобачевскаго, Менделѣева, Боткина, С. Соловьева, Суворова и многихъ, многихъ другихъ. И только мы, Русскіе въ области науки какъ-то обходимъ свои родныя имена и бросаемся на всякое ничтожество, но только съ иностраннымъ именемъ .. Но, кажется, и мы начинаемъ просыпаться.

Литература. Литература—фотографія общества и при томъ послѣдовательная въ его поколѣніяхъ и сословіяхъ. Русская литература стала развиваться очень недавно, а между тѣмъ за этотъ короткій срокъ ея бытія она заняла первенствующее мѣсто во всемірной литературѣ. Писатели, при всей личной національной скромности, стали извѣстны всему образованному міру и почитаются высокодаровитыми по своимъ заслугамъ, а не по протекціи. Ихъ своеобразность поразила и загипнотизировала міръ. Должно добавить, что характеры Русскихъ типовъ далеко еще не всѣми уяснены. Русская литература характеризуется реализмомъ, но реализмомъ не фотографическимъ, а одухотвореннымъ. Всѣ виды литературы въ Россіи имѣютъ первоклассныхъ представителей. Такіе романисты, какъ Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій, Писемскій и др. по праву занимаютъ первыя мѣста во всемірной литературѣ. Русскіе поэты Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, А. Толстой едва ли уступятъ своимъ товарищамъ иностраннымъ поэтамъ и романистамъ въ славѣ и величіи Не во всѣхъ мѣстахъ Россіи одинаково развита склонность къ поэзіи. Грустный, мрачный и однообразный сѣверъ даетъ поэзію тихую и мелодичную. Поэзія юга—поэзія радости и веселья.

Природа Малороссіи и Кавказа даютъ иную окраску и иное содержаніе поэзіи. Если природа юга даетъ счастье, радость и веселье,—то исторія Малороссіи внесла въ душу поэта много грусти и печали. Склонность къ поэзіи особенно наблюдается въ Малороссіи и проникаетъ въ ихъ жизни. Каждый хохолъ считаетъ идеаломъ завести у себя „и ставокъ, и млинокъ и вишневый садокъ“,—а въ этомъ садку непремѣнно у него кромѣ огорода, и цвѣточки. Малороссіянки весною и лѣтомъ любятъ украшать свои головы цвѣтами и вѣнками изъ цвѣтовъ.

Кромѣ того, *любовь къ природѣ* у славянъ очень рѣзко развита и если она въ жизни проявляется не такъ сильно, какъ можно было бы требовать, то не мало тому причиною служатъ многовѣковое рабство и гнетъ, при которыхъ славянамъ было не до красоты природы.

Не лишена Россія великаго юмора. Юморъ Гоголя безсмертенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно оригиналенъ. Онъ такъ блестящъ, увлекателенъ, искристъ и поразителенъ, что подобнаго ему нѣтъ въ мірѣ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ безобиденъ и приличенъ. И въ юморѣ Гоголя звучитъ не рѣдко нотка грусти и оттѣнокъ скорби. Его грусть и смѣхъ тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Но въ его грусти нѣтъ ни озлобленности, ни мрачности,—нѣтъ страха передъ силами тьмы, леденящаго ужаса,—нѣтъ мысли о пустотѣ,—нѣтъ отчаянія,—ибо онъ вѣритъ въ провидѣніе, исповѣдуетъ покорность, свойственную славянской націи и исповѣдуемой его религіи Божественнаго Учителя.

Переходъ отъ юмора къ сатирѣ представляютъ необыкновенно оригинальныя и замѣчательныя произведенія В. Буренина. Ѣдкія до выжиганія, необыкновенно сильныя и безпощадно бьющія его творенія вмѣстѣ съ тѣмъ являются легкими и незлобивыми и не оставляютъ въ душѣ ѣдкой гари. Геній Буренина едва ли имѣетъ въ себѣ нѣчто подобное въ иностранной литературѣ. Нужно ли много говорить о великихъ сатирикахъ Русской литературы Щедринѣ, Атавѣ (Терпигоревѣ) и др., имѣющихъ право на первое мѣсто во всемірной литературѣ этого рода.

И во всѣхъ этихъ произведеніяхъ и въ содержаніи и въ образахъ мы видимъ и имѣемъ нѣчто чисто Русское: великое, всеобъемлющее, увлекательное, покоряющее,—но покоряющее не силою захвата, а ласкою, любовью и мягкостью.

Живопись. Русская живопись также достойна величія своей націи. Произведенія Верещагина, Сѣрова, Крамского, Семирадскаго, Брюлова, Иванова, Куинджи и др. по праву занимаютъ мѣсто въ первомъ ряду великихъ творцовъ міровой живописи. Они внесли не только величіе творчества, но и оригинальность, присущую Великой Русской націи.

Музыка. Русская музыка точно также является отраженіемъ великой души Великой Націи. Кто не знаетъ и не цѣнитъ внѣ Россіи твореній Чайковскаго, Глинки, Сѣрова, Даргомыжскаго и многихъ другихъ.

И здѣсь ясно выражаются величіе и своеобразность Русской націи.

Архитектура. Эта отрасль творчества наименѣе разработана въ Россіи. Она только зарождается и начинаетъ развиваться. Но и то, что есть, является необыкновенно великимъ и поразительнымъ. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія храмы Божіи. Богатство, величіе, красота и оригинальность архитектуры храмовъ Новгородской, Псковской, Ярославской и др. губерній поражаютъ не только иностранцевъ, мало знакомыхъ съ Русскимъ зодчествомъ,—но и насъ, Русскихъ, видящихъ его на каждомъ шагу. Нѣтъ слова, Исакіевскій и Казанскій соборы въ Петроградѣ и храмъ Спасителя въ Москвѣ величественны и достойны вниманія. Но чтобы это вышло,

если бы эти величайшіе и величественные храмы выстроены были въ Русскомъ духѣ?.. Страшно жалко, что при этихъ многомиллионныхъ затратахъ обойдено было самое главное—душа Русской Націи, ея стиль, ея образъ. Будемъ надѣяться, что русскій народъ, въ память великой міровой славянской побѣды, въ память образованія всеславянскаго царства, воздвигнетъ величайшій храмъ и непремѣнно въ Русскомъ стилѣ, имѣя въ виду Кремль, Василія Блаженнаго и сотни храмовъ чисто Русскихъ земель. Отъ Русской архитектуры въ будущемъ мы ожидаемъ очень многаго.

Англичанинъ Морисъ Берингъ въ Русской литературѣ отмѣчаетъ два главныхъ типа, соотвѣтствующихъ дѣйствительной жизни Русскихъ людей и составляющихъ его характерную особенность. Эти типы—Люциферъ и Иванушка-дурачокъ. Люциферы—это люди невѣроятной отваги, мощи, удали и молодечества, превосходящіе все, что доселѣ дали міръ и тѣмъ не менѣе поражающіе своею скромностію, отсутствіемъ рисовки и даже мысли о томъ, что они сдѣлали нѣчто необыкновенное. Это Архипы Осиповы, Ѳомы Даниловы, Дьяковы Петеренки, Очечкины, Суворовы, Скобелевы Кондратенки, Макаровы, Цусимскіе герои и проч. съ Петромъ Великимъ во главѣ. Иванушки—дурачки—это вся остальная Русская масса, носительница кротости, смиренія, самоуниженія, человѣколюбія, доброты, милосердія, сочувствія, состраданія и самопожертвованія. По мнѣнію Беринга,—„Русская литература пластична: Русскій можетъ понять все. Можно формовать его какъ угодно: онъ, какъ сырая глина, податливая и мягкая; онъ пассивенъ, онъ опускаетъ голову и подчиняется волѣ судьбы и провидѣнія. Но въ то же время было бы большой ошибкой думать, что все это признаки слабости. Есть извѣстное упорство въ русскомъ характерѣ, непобѣдимая настойчивость которая замѣняетъ силу,—иначе Русское государство не существовало бы...“

Русскій поэтическій геній и Русская поэзія не только тѣсно связаны съ почвой, но и основываются на глубокомъ здоровомъ смыслѣ и проникнуты имъ, проникнуты удивительной простотой, идущей прямо къ дѣлу и нетерпящей вычурности, лишнихъ украшеній. Русскіе поэты сдѣлали то, что имъ даетъ единственное исключительное положеніе въ міровой литературѣ: это извлечь поэзію изъ ежедневной жизни, которую они видѣли кругомъ себя, и выразить ее въ стихахъ неподражаемой красоты. Въ Русской поэзіи есть такая простота и здравость изображенія, какія ни гдѣ больше не встрѣчаются; тѣ же свойства мы видѣли въ Русскомъ народномъ творчествѣ... Если Русскій поэтъ и Русскій мужикъ просты, не любятъ необузданной фантазіи и болѣе всего любятъ правду,– если своей близостью къ природѣ, своимъ даромъ видѣть вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ и выражать ихъ съ величайшей простотой, спокойно, безъ всякой искусственности и аффективности, они давали намъ право назвать ихъ реалистами,—то, въ такомъ случаѣ, реализмъ не есть знаніе опредѣленной школы, теорія ограниченнаго кружка людей, или лозунгъ литературной партіи, а лишь естественное выраженіе Русскаго характера и Русской натуры“.

Но мнѣ кажется, англичанинъ просмотрѣлъ еще одну особенность Русской націи, которая отмѣчена Русскими глубокими мыслителями.

По Достоевскому, въ Русскомъ характерѣ больше всего высказывается высоко синтетическая способность всемірности, всечеловѣчности. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому, безъ различія націи, крови и почвы. У него инстинкты общечеловѣчности. Онъ носитъ въ себѣ начало примиренія кажущагося непримиримымъ. Самокритика одна изъ чертъ націи. Въ силу присущаго Русской націи человѣколюбія, она безкорыстно проливаетъ свою кровь за счастіе и свободу другихъ порабощенныхъ народовъ.

„Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всего движенія,—говоритъ Хомяковъ,—но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви, правды и добра не призракъ, а сила живая, неумирающая: зародышъ будущей жизни міровой не германецъ, аристократъ и завоеватель,—а славянинъ, труженикъ и разночинецъ призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію".—Эту идею ярче и опредѣленнѣе приводитъ Достоевскій [1]).

Такимъ образомъ, Русскому генію предназначается въ будущемъ побѣда надъ всѣмъ міромъ,—но побѣда не съ оружіемъ въ рукахъ, а любовью, милосердіемъ, состраданіемъ и самопожертвованіемъ.

Интересно то, что такое будущее кельтско славянской расѣ, такое объединеніе и овладѣніе міромъ предсказывается и другими народами и съ совершенно иной точки зрѣнія.

А. Фуллье говоритъ слѣдующее: „Со времени среднихъ вѣковъ нашъ (кельтскій, французскій) типъ увеличился на одну сотую въ сторону широкаго черепа,- ростъ уменьшился, цвѣтъ сдѣлался болѣе темнымъ. Такимъ образомъ мы снова становимся все болѣе и болѣе кельтославянами и „туранцами", какими мы были до появленія галловъ. Между тѣмъ какъ количество и вліяніе такъ называемаго арійскаго элемента все болѣе и болѣе уменьшается среда насъ,—явленіе приводящее въ безпокойство антропологовъ. Но оно происходитъ у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, хотя на сѣверо-зэпадѣ съ меньшею интесивностью и быстротою. *Происходитъ*, такъ сказать, *общее и медленное обрусеніе Европы*, включая сюда даже и Германію: *это своего рода самопроизвольный панславизмъ или панькельтизмъ*.

Душевная жизнь складывается главнымъ образомъ изъ двухъ важнѣйшихъ факторовъ: разсудка и чувства. Наша жизнь, наша произвольная дѣятельность, нашаволя есть діагональ двухъ духовныхъ силъ: разума и чувства. Хочу и должно. Идеалъ современной культурной жизни: господство разума надъ чувствами. Чувство, страсти, эмоціи должны подчиняться рѣшенію разума. Долгъ выше желанія. Долгъ выше всякаго чувства. Всякая субъективность преклоняется предъ объективными требованіями.

---

[1]) Проф. П. И. Ковалевскій. Русскій національнзмъ 1912 г.

[1]) А. Фуллье. Психологія французскаго народа; 1912, 789.

Но чувства, эмоціи, страсти двухъ сортовъ: высшія—добрыя и низшія не чистыя, грязныя, животныя. Вопросъ что, выше въ жизни: разумъ, или доброта, справедливость или милосердіе, состраданіе или самопожертвованіе.

Проявленіе разума, знанія и примѣненіе ихъ у западныхъ культурныхъ народовъ выше, чѣмъ у Русскихъ славянъ. Въ этомъ отношеніи мы уступаемъ имъ. Мы слишкомъ молоды. Наши практическіе пріемы еще слишкомъ юны. Нашъ широкій умъ, безспорно стоящій выше и шире ума практическаго западнаго спеціалиста, еще не пріобрѣлъ всѣхъ тѣхъ познаній и не пріобщился ко всей той полезности, которая создается хотя и узкимъ, но утилитарнымъ умомъ западнаго спеціалиста. Но этотъ западный умъ холодный, эгоистичный, человѣконенавистическій. Онъ слишкомъ подавляетъ добрыя чувства. Онъ смѣется надъ самопожертвованіемъ. Онъ презираетъ милосердіе и состраданіе.

Живя умомъ, европеецъ не понимаетъ безкорыстнаго самопожертвованія Русскихъ при освобожденіи грековъ, румынъ, сербовъ, болгаръ, грузинъ... Все это ему кажется смѣшнымъ и глупымъ.

Въ Русскомъ славянинѣ разсудокъ не является столь властнымъ и деспотичнымъ владыкою надъ чувствомъ и эмоціями. Его доброта, милосердіе, состраданіе и самопожертвованіе не позволяютъ царить разсудку надъ страданіями человѣчества.

Добро людямъ у Русскихъ стоитъ выше разсудка. Добрыя чувства становятся не только въ уровень съ требованіями холоднаго разума, но не рѣдко превышаютъ его.

И этого Русскіе не считаютъ позоромъ. Это Русскій считаетъ правильнымъ и справедливымъ. Его идеалъ стремится не къ пользѣ, а къ добру. Въ этомъ отношеніи европеецъ не понимаетъ Русскаго. (П. И. Ковалевскій).

Сто лѣтъ назадъ великій народъ на своемъ знамени поставилъ девизъ — *свобода, равенство и братство.* Весь міръ всколыхнулся подъ этимъ воззваніемъ. Почти вся Европа пошла за и подъ этимъ знаменемъ. И что же? Не прошло полъ вѣка, какъ свобода превратилась въ экономическій гнетъ,—равенство въ тяжелое рабство,—а братство—въ озвѣрѣлое истязаніе другъ друга. Почему такая неудача?

Почва и средства, которыми добивался эти заявленія, не соотвѣтствовали этому заявленію. Почвой служило стремленіе къ обладанію и властвованію, а орудіемъ—оружіе и пролитіе крови.

Иное несетъ Русская славянская нація. Она несетъ любовь, милосердіе, состраданіе и самопожертвованіе. На этой почвѣ и этимъ орудіемъ славяне побѣдятъ міръ. И сольются тогда въ славянскомъ морѣ всѣ человѣческіе національные ручьи. Одержитъ ту побѣду славянство не огнемъ и мечомъ, а любовію, милосердіемъ, состраданіемъ и самопожертвованіемъ. Тогда то *возродятся въ мірѣ свобода, равенство и братство подъ славянскимъ символомъ Креста,—символомъ Божественнаго Учителя Христа.*

Проф. **П. И. Ковалевскій.**